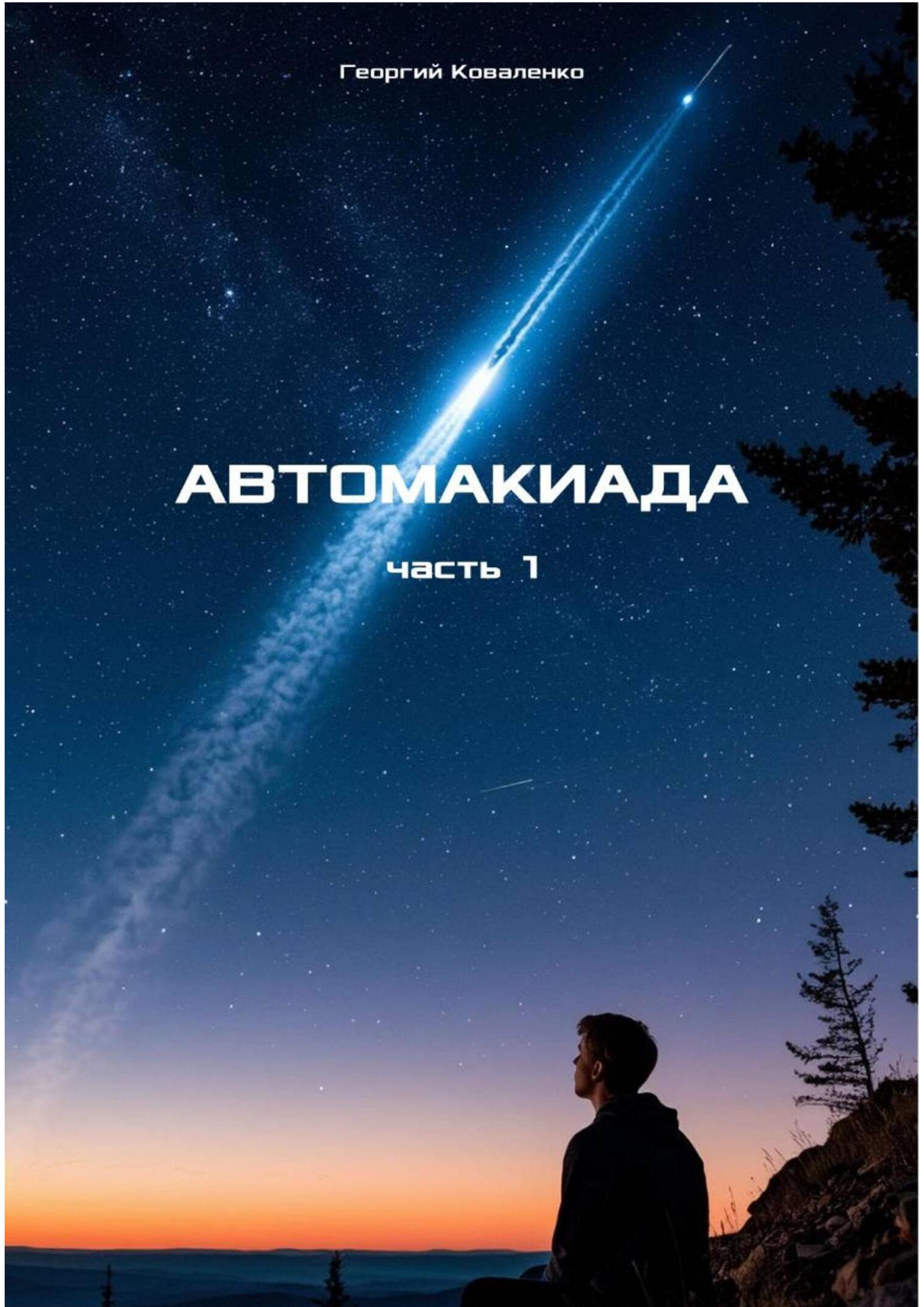

Георгий Коваленко

АВТОМАКИАДА

часть 1

Георгий Коваленко

Автоматика. Часть 1

«Автор»

2025

Коваленко Г.

Автомакиада. Часть 1 / Г. Коваленко — «Автор», 2025

Пока в небе вращаются орбитальные курорты, а на Марсе строят базы, мир Ника из резервации ограничен лесами, реками и строгими правилами. Всё меняется, когда в тайге разбивается шаттл. Увидев космический корабль вблизи, Ник понимает, чего хочет по-настоящему. В семнадцать он совершает побег — бросает семью, любимую девушку и пробирается через 70 километров опасной тайги в Екатеринбург, чтобы поступить в Центр образования космических связей. Но города живут по своим правилам. Здесь каждый шаг отслеживается. Каждое решение предсказуемо. Человек здесь — не личность. Это узел в цепи, данные, прогноз. И по мере того, как Ник приближается к своей мечте, он начинает понимать: главное испытание — не в космосе. Оно — внутри него. Сможет ли он пройти путь до конца, не потеряв то, что делает его человеком? Осталось ли место человечности в мире высоких технологий?

© Коваленко Г., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Голоса неба	5
Глава 2. «Северный Урал»	13
Глава 3. Признание	18
Глава 4. Покидая дом	25
Глава 5. Суд	34
Глава 6. Ожидание	40
Глава 7. «Он оставил – я забрал»	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Георгий Коваленко

Автомакиада. Часть 1

Глава 1. Голоса неба

2062 год

В долине реки Улс меж хребтов Северного Урала кипела жизнь большого поселения, окруженного полями и густыми хвойными лесами. Смола сочилась из стволов и блестела на солнце, и холодный ветер разносил аромат по округе. Люди в полях работали рядом с машинами, которые катились впереди и помогали обрабатывать землю. Рабочие шли за ними и убирали то, что упускали роботы – мелкие упрямые сорняки.

Рядом с полем дедушка закидывал сено на робота-тележку, ткнул в панель управления и та, словно черепаха, поползла по широкой центральной улице. Тележки двигались так неторопливо, что взрослые обходили, даже не сбавляя шага, а дети иногда дразнили их. Вот и сейчас мимо роботов промчалась толпа маленьких ребятишек лет восьми с криком «сони!» и повернула на соседнюю улицу, где носы ребят защекотал запах жаренного мяса и свежеспеченного хлеба. Это взрослые во дворе одного из домов готовили праздничный ужин в честь возвращения очередной группы вахтовиков из Екатеринбурга. Увидав детей, взрослые улыбками проводили их до перекрестка, куда те повернули на дорогу, ведущую через весь поселок к большому пустырю неподалеку. Там их ждали ребята постарше и гоняли мяч по импровизированному полю. Толпа влетела на пустырь и сразу началась игра. Мяч переходил от одного мальчика к другому, потом инициативу брали девочки и лихо подавали пас, визжа от радости. Тут же рядом сидели те, кто в футбол играть не любил, и весело обсуждали вчерашний поход на соседний хребет.

Счастливый смех детей лился по всей долине, когда внезапно раздался глухой и отдаленный звук раскатистого грома. Игроки в футбол не обратили внимания, а сидевшие рядом подняли головы к небу, ожидая увидеть тучи, но вокруг было безоблачное небо. Гром слышало всё поселение. Взрослые в полях тоже подняли головы и стали осматриваться.

– Гроза, что ли? – спросил один из рабочих.

– Да где грозу-то видишь? – парировал второй, вытирая лоб – Шаттлы взлетают, сегодня обещали старты.

– Рев глухой, – сказала женщина в красной косынке, – Так грохотало, когда грузовой модуль упал под Краснотурьинском.

И люди вернулись к работе, а машины, не ощущая тревоги, продолжали бороздить поле.

В это время в небо поднимался транспортный шаттл с экипажем и грузом на борту. Его стреловидный нос смотрел в небо, а из сопла главного двигателя рвалось пламя, отвергая притяжение Земли и унося корабль на орбиту. Вдруг пламя погасло, вспыхнуло на секунду с грохотом и погасло опять, оставляя черное пятно в воздухе.

В кабине пилотов экран двигателя мигал надписью «Критическая ошибка», оглушительно завывала сирена.

– Отказ, отказ, отказ... «Генезис» теряет тягу, срыв пламени... – докладывал первый пилот, сидевший слева.

– Высота десять тысяч шестьсот метров, – докладывал второй пилот. Сидевший за пилотами капитан скомандовал:

– Алекс, не дай шаттлу опрокинуться, перезапускайте двигатели, – и стал перенастраивать связь на аварийную частоту. Он ударял по сенсорам и не попадал в них с первого раза из-за сильнейшей тряски. Второй пилот активировал верхний аварийный блок, рукоятку управ-

ления тягой рядом с Алексом перевел в позицию «Нейтрал» и на экране перед собой активировал «Штатный перезапуск». Алекс взялся за ручку управления.

Нос Генезиса стал медленно опускаться, пламя в сопле двигателя вспыхнуло и погасло. Через секунду главный и четыре вспомогательных сопла окрасились в красный цвет, послышался тяжелый вибрирующий рокот и из глубины вновь вырвалось пламя. Глухой удар. Корпус затрещал по швам, обшивка начала отслаиваться пластинами. За шаттлом потянулся черный шлейф, пока корабль отклонялся влево и продолжал поворачивать.

– Система не реагирует на команды! – доложил второй пилот и стал активировать панели аварийного переназначения на панели перед собой и сверху.

– Алекс, держи машину! – скомандовал капитан.

Алекс с усилием отклонял джойстик, но системы «Генезиса» работали с задержками, корабль продолжал поворачивать влево и опускаться нос. В попытках удержать шаттл без нормальной тяги Алекс отвел ручку управления на себя до предела. Ситуации это не исправило – нос корабля сначала оказался вровень с горизонтом, а потом стал опускаться вниз. Теперь на всех панелях стали появляться предупреждения. Среди прочих – о столкновении с землей с характерным сигналом.

– Без тяги главного двигателя мы потеряем управление, включая маневровые! – сказал Алекс и потянулся к кнопкам.

– Нет! Стой! – вскрикнул капитан, – На такой высоте они бесполезны, сожжем топливо и у земли не остановимся.

– С такой скоростью снижения мы разобьёмся! – вскричал второй пилот.

Алекс всмотрелся в панели и заметил, что вспомогательные двигатели вокруг главного работают и дают умеренную мощность, с которой можно маневрировать на большой высоте. Он положил руку на РУТ и перевел ее до максимальных значений. Четыре вспомогательных двигателя заработали в полную силу. Побледневший второй пилот взглянул на хмурое лицо Алекса и шепотом, почти без сил, спросил:

– Ты что делаешь?

– Выхожу на аварийную глиссаду.

Алекс снова медленно отклонил джойстик на себя, выводя корабль в горизонт. Но когда пилот взглянул на приборы, то увидел, что «Генезис» от максимальной тяги вспомогательных двигателей не только не набирал скорость, но и продолжал терять её, пока Алекс держал шаттл вдоль горизонта. Из-за этого корабль снижался всё быстрее, и скорость снижения росла тоже.

– Мейдей, мейдей, мейдей, Генезис четыреста пять, отказ двигателя, снижаемся, – капитан не отводил взгляд от приборов.

– Генезис четыреста пять, это диспетчер, телеметрия подтверждает отказ, действуйте по протоколу, если возможно. Приоритет – стабилизация полета, – ответил женский голос.

– Приняли. Идем на максимальной тяге вспомогательных двигателей, шаттл неуправляем. Набор высоты остановлен, взлёт прерван, четыреста пятый. – Доложил капитан. Алекс в это мгновение всматривался далеко вперед, а потом переключился на карту на панели перед собой.

– Генезис четыреста пять, это диспетчер. На основании телеметрии ваш двигатель признан вышедшим из строя и есть риск развития пожара. Подтверждаю прерывания взлёта.

Алекс отклонил джойстик вперед и Генезис снова стал опускаться стреловидный нос. В этот момент раздался взрыв, шаттл тряхнуло изо всех сил и началось разрушение обшивки, обнажая силовые кабели и гидравлические магистрали. У второго пилота началась истерика, пока Алекс пытался удерживать шаттл.

Капитан ударил по кнопке замка на своем ремне, дотянулся до аптечки и выхватил оттуда седативное. Ещё через мгновение он был рядом со вторым пилотом, которому ввел препарат, вытащил несчастного с кресла и посадил в свое, застегнув ремнем.

– Никогда в этом кресле не окажешься... – тихо прошептал капитан и сел на место второго пилота. Он осмотрелся и на секунду замер – внизу были только хребты и леса..

– Алекс, мы здесь не сядем...

– Впереди через тридцать километров площадка.

Капитан открыл карту на панели перед собой. Через тридцать километров прямо по курсу в долине между двумя хребтами действительно была площадка. Мужчина переключился на спутниковый снимок.

– Чёрт возьми, это поселение, – капитан взглянул вперед и нашел глазами поселение, – Оно значительно больше чем на снимке...

– Значит сядем рядом с ними.

Капитан повернулся к Алексу, который смотрел холодным взглядом на приборы, а руки его крепко держали джойстик и рукоять мощности. Затем капитан на своём экране максимально приблизил карту и разглядел название реки у поселения. В наушниках раздавался призыв диспетчера ответить.

– Генезис четыреста пять! Генезис, ответьте диспетчеру! Генезис, вы падаете, спасайте себя, а не корабль!

– Диспетчер, – сказал капитан, – Принимаю решение аварийной посадки на площадку в районе поселения «Северный Урал», зона сорок девять.

Не сказав ему больше ни слова и не отвечая на сообщения, капитан стал помогать Алексу. Вместе они вводили нужные протоколы и готовили шаттл к аварийной посадке.

Женский голос диспетчера твердил:

– Это невозможно, там нельзя сесть, нет там площадки! Генезис.... Четыреста пятый! – а потом она сказала, делая паузу между каждым словом, – Спасайте себя, а не корабль!

Алекс держал «Генезис», параметры полета находились в допустимых пределах и пилот немного успокоился. В это мгновение заверещала сирена пожара. Хвост шаттла загорелся и от него повалил едкий черный дым, а на экране датчики зафиксировали температуру за тысячу градусов.

Снова раздался голос диспетчера, но на этот раз мужской:

– Внимание, внимание, внимание, всем бортам в районе Краснотурьинска. Аварийная посадка шаттла Генезис четыреста пять в районе поселения «Северный Урал», зона сорок девять.

Внизу, на импровизированном поле, в футбол играл среди всех худощавый мальчишка с короткими каштанового цвета волосами, одетый в коричневые шорты и в белую майку со свежими следами грязи – ежедневный результат его безудержных прогулок. На руке висел старенький фитнес-трекер с поцарапанным экраном – подарок дедушки. Мальчик сильно ударил по мячу и тот поднялся высоко на столько, что следя за ним взглядом ребенок невольно заметил серебристое быстро приближающееся пятно с черным шлейфом с другой стороны посёлка. Глухой раскат взрыва снова прокатился по долине. Мяч упал рядом, но мальчик этого не заметил. Остальные дети один за другим стали поднимать головы и наступила тишина.

– Это что, шаттл? – спросил неуверенно кто-то.

– А-бал-деть! – тихо сказала девочка, застыв на месте.

– Он падает! Он сейчас упадёт на нас! – закричал кто-то и дети бросились врассыпную. В этой панике металась маленькая девочка в сиреновом платье, с длинными рыжими волосами. Она казалась самой хрупкой среди детей. Девочка бежала вместе со всеми, а у самого посёлка обернулась и увидела, что на поле остался стоять мальчик с каштановыми волосами.

– Ни-и-и! Бе-ги-и-и! – закричала девочка изо всех сил.

Взрослые, которые работали в полях неподалеку от детей, слышали их крики и тоже заметили падающий шаттл. Чем он был ближе и ниже, тем громче ревели вспомогательные двигатели. Перед поселком и почти у самой земли у корабля с оглушительным грохотом вклю-

чилились маневровые под днищем. Те, кто оказался на открытом пространстве под шаттлом, ощутили жар, тень скользнула по домам, а рев разбудил самых глубоко спящих жителей.

Рыжеволосая девочка в последний момент упала на землю и увидела, как шаттл с грохотом на небольшой скорости тяжело бухнулся на то поле, где стоял Ник, подняв плотные клубы пыли. Крик девочки оборвался – она пыталась кричать, но голоса не было. Через секунду ее окутало облако пыли и наступила тишина. В воздухе запахло озоном, горелым пластиком и ракетным топливом. Взрыва не последовало, но в месте падения стало заметно небольшое оранжевое зарево горящего двигателя.

Когда шаттл рухнул на импровизированное футбольное поле, небольшие обломки и осколки полетели в сторону Ника. Один из них оставил маленькую рану на лбу мальчика. От шока Ник не почувствовал боли, поднялся, и осторожно, с нерешительными остановками, двинулся к упавшему шаттлу. Оранжевое пятно пламени на хвосте здесь тоже было заметно, но Ник не обратил никакого внимания и оказался рядом с мостиком, откуда в этот момент выбирались Алекс и командир шаттла, который нес на себе второго пилота. Экипаж сразу же направился в сторону поселка, чтобы быть как можно дальше от шаттла.

Ник неуверенно пошёл за ними. Через сто метров они остановились и только теперь заметили мальчика со шрамом на лбу, шедшего за ними. Ник был бледным, у него дрожали руки. Командир аккуратно положил на землю второго пилота и достал аптечку. Затем опустился на уровень ребенка, обработал рану и наложил стерильную повязку.

– Алекс, разбуди его, – кивнул командир в сторону второго пилота и обратился к мальчику, – Как тебя зовут?

– Никола. А вас?

– Меня Азизом, я командир этого шаттла. А это, – и он указал на первого пилота, который будил товарища, – Это Алекс. Первый пилот.

– А кого вы несли?

– Еще одного пилота.

– Вы... Вы из космоса? – голос Ника дрожал, но в глазах было любопытство.

– Да, мы космонавты. И благодарны, что остались живы.

Ник взглянул на горящий шаттл и вдруг спросил:

– Но вы же всё равно полетите снова?

Азиз замер на мгновение, его брови непроизвольно поднялись. Губы командира дрогнули в едва заметной улыбке, которую он тут же попытался сдержать, проведя рукой по подбородку.

– Ты только что видел, как тонны металла падают с неба, а первая твоя мысль... – Командир поднялся и сделал два шага назад.

– Алекс! – бросил он через плечо, – Ты слышал этого парня? – Указательный палец Азиза ткнул в сторону Ника. – После всего этого! Первое что! – И он снова рассмеялся, теперь уже не скрывая смеха. Когда командир успокоился, то сказал:

– Ну вот вырастишь, поступишь в ЦОКС и станешь космонавтом.

– Не получится, нам не разрешают поступать в учебные заведения в городах.

Командир и Алекс переглянулись. Азиз еще что-то хотел сказать, когда вдали раздались крики. Жители поселения, направлявшиеся к месту катастрофы, наткнулись на рыдающую рыжеволосую девочку. Кто-то из женщин аккуратно поднял ее на руки и стал успокаивать, но она кое-как смогла сказать сорванным голосом «Там Ник». Услышавшие начали вслух молиться, лишь бы мальчик остался жив. К этому моменту облако пыли начало рассеиваться и стали видны силуэты четырех человек: один маленький, рядом с ним два больших силуэта и ещё один большой чуть поодаль сидел на земле.

Командир издали заметил приближавшихся к ним людей и стал говорить достаточно громко:

– Мы пилоты Агентства Космических Связей, у нас произошла авария.

– Что с мальчиком? – крикнул на бегу один из мужчин, который остановился рядом с Ником и быстро опустился перед ним на одно колено.

– Задело обломком. Кровь остановили, рану перевязали, – ответил командир.

Мужчина легонько подтолкнул Ника к другим людям и одна из женщин повела его в поселение.

– Вам нужна помощь? – мужчина встал на ноги.

– Нет, мы в порядке, спасибо, – и командир обернулся к шаттлу, который разгорался всё сильнее. Не отрывая от пламени взгляд он сказал:

– Нужно отойти от шаттла ещё как можно дальше. И постарайтесь никого сюда не пускать, теперь это небезопасно, – командир обернулся к Алексу. Тот смотрел на уходящего Ника с грустной улыбкой, пока мальчик шел вполоборота и во все глаза смотрел на шаттл и экипаж. Чуть дальше Алекса на земле сидел второй пилот с поднятой вверх головой, прерывисто вздыхая.

– А с ним что? – указал мужчина на сидевшего. Командир тяжело вздохнул и ответил:

– Он в шоковом состоянии.

Кто-то из людей подошел ко второму пилоту и помог ему подняться, но почти сразу тот рухнул на землю и зарыдал.

– Он не справился с ситуацией, – сказал командир.

– Что с ним теперь будет? – спросил Алекс и стал медленно подходить к своему рыдающему товарищу.

– В таких случаях делают тест на профпригодность. Либо ты остаешься на флоте, либо тебя лишают права управления шаттлом. Космос был его мечтой, Алекс, и сегодня он этой мечты лишился.

Алекс обернулся к командиру:

– Но он же до этого как-то проходил предполетные тесты.

– В симуляторах мы все признаем, что это симулятор. А как поведешь себя в реальной ситуации предсказать сложно. Алекс, срочно забираем его и... – и командир громко скомандовал, – все отходим от шаттла, он может взорваться! Все отойдите от шаттла как можно дальше!

В это мгновение с грохотом рухнуло одно из крыльев на хвосте, от чего пламя резко усилилось. Это подействовало сильнее всего на людей в округе и они вместе с экипажем побежали от корабля к поселению. Вдалеке слышался шум вертолета.

Женщина привела Ника к другим ребятам, среди которых была рыжеволосая девочка. Увидев Ника она прижалась к нему, не отпуская, пока другие ребята обступили мальчика, засыпая вопросами.

– Я разговаривал с командиром упавшего корабля! – хвастался Ник.

– Да ты врешь, не был ты там! – возмутился один из мальчишек.

– А голову, по-твоему, я сам себе перевязал? И рану сделал тоже сам?

– Что теперь делать будешь, ты же общался с людьми из внешнего мира? – спросила одна из девочек.

– А что тут такого?

– А расскажи, что там было? – не унимались ребята.

– Ну, я стоял в поле и смотрел как на меня летит этот корабль. А потом он рядом со мной рухнул! – в это мгновение рыжеволосая девочка сжала в своих объятиях Ника ещё сильнее. – Ай, Мари! Больно же!

Марина ослабила хватку, но так до конца и не отпустила. В это время мимо дома бежал старейшина поселения Александр, небольшого роста сухопарый старик в черных очках и с длинной бородой. Он увидел ребят и крикнул им:

– Живо по домам! – перевязанного Ника он не заметил в толпе, которая сразу же повиновалась и пошла по улицам поселка подальше от места действия. Марина шла рядом с Ником.

В это мгновение вертолёт, круживший вокруг «Северного Урала», приземлялся в месте падения. Ребята, до этого никогда не видевшие вертолетов, остановились и смотрели во все глаза, но несколько мальчиков и одна девочка стали всех подталкивать и заставляли идти дальше.

– Ник, а дальше-то что было? – спросил кто-то в толпе.

– А потом вылезли из шаттла командир и пилот. Там ещё третий был кто-то, но я его не запомнил. Они сразу стали меня лечить. Ребята, они такие крутые! Они так похожи на нас!

– Ник, ты первый из нас, кто с людьми из внешнего мира поговорил! – сказал кто-то из ребят постарше.

В это мгновение на дорогу вышли четыре женщины и быстро пошли в сторону ребят. Ник испугался, стал прятаться за других и его голос дрогнул:

– Ой, мама идет. Она меня заругает, если все узнает.

– Так она и так узнает, – сказала девочка, которая до этого всех подгоняла. Среди женщин шла одна в длинном сером платье из жесткой ткани, перехваченное потертым кожаным поясом. На груди висел золотой крестик довольно большого размера. Ее длинные, слегка запутавшиеся густые волосы развевались на горном ветру. Ребята расступились перед ней и она оказалась прямо перед Ником. Другие женщины подошли к своим детям. В толпе кто-то робко поздоровался: «Здравствуйте, тётя Аня».

Анна стала осматривать повязку на голове сына с заметным испугом:

– Ты ранен?

Но не успел Ник ничего ей ответить, как маленький мальчик в коричневых шортиках невпопад выкрикнул:

– А Никола с командиром шаттла разговаривал! – раздался смачный шлепок, это Марина ударила по затылку мальчика, заставив его взвизгнуть.

В глазах Анны испуг сменился злостью, но она сдерживала себя и сначала лишь коснулась плеча сына и повела его от толпы. Потом всё быстрее и быстрее, а хватка ее усиливалась.

– Скажи сначала как ты себя чувствуешь, не кружится ли у тебя голова?

– Нет, всё в порядке.

– А теперь объясни, как так получилось, что ты разговаривал с людьми из шаттла?

– Шаттл упал прямо возле меня. Я пошел к нему, а из него люди вылезли. Они сразу стали мне голову перевязывать.

– Вам нельзя общаться с людьми из внешнего мира в таком возрасте. Это запрещено правилами движения.

– Но почему? Они же обычные люди!

– Ты ещё и пререкаешься, наглец! Я тебя могла потерять из-за случайности, но потом ты сознательно пошел к этим людям, зная наши законы! Как так?

– Там все в пыли было, – и Ник начал всхлипывать, – Откуда... Откуда мне было з-знать, куда я иду... Я ведь упал сначала...

– Ну а как увидел людей, почему не ушел от них?

Но Ник уже ничего не отвечал и только плакал.

– Правила просто так написаны? Мы учим вас жить и работать внутри поселения. Учим? Да! Восстанавливать природу и сельское хозяйство. Делаем? Делаем! Сохранять устои... – ее голос сорвался на высокой ноте, – ...и жить не так, как городские... Но! Стоило упасть кораблю с неба – ты сразу там, и уже общаешься с людьми из внешнего мира, уже видишь в них друзей!

– Но мне ведь интересно! Ребята постарше ведь уезжают в города...

– Поэтому ты и твои сверстники туда не поедете, иначе тут никого не останется! – крикнула Аня. Слезы текли по лицу Ника, он хотел ещё что-то сказать, но слова застревали в горле. Аня перевела дух и прошептала:

– Поверить не могу.

Ник с матерью подошли к одноэтажному деревянному дому, рядом стояло несколько старинных довоенных трейлеров для путешествий. Аня крепко взяла Ника за руку, ввела его в дом, дошла с ним до подвала и потом захлопнула дверь за сыном. Ник ещё долго сдерживал рыдания, а потом услышал, как открылась входная дверь и раздался голос отца:

– Аня! Как ты, как Никола?

Откуда-то издалека раздался приглушенный ответ, отец спросил:

– Да я знаю все, где он сейчас? – в ответ снова прозвучало что-то невнятное и отец тяжело вздохнул: «Ясно».

Дальше отец ушел в глубину дома и Ник перестал различать слова. Спустившись в подвал мальчик рухнул на огромный диван, сжавшись в комок. Запах сырости и шерсти обволакивал, словно тяжёлое одеяло. В углу стоял верстак, заваленный отцовскими инструментами, а на полках рядами выстроились банки с соленьями, освещенный лучом солнечного света. Пылинки медленно плыли внутри луча, а потом вдруг бешено полетели куда-то, когда наверху снова открыли и захлопнули входную дверь.

Эта комната была не единственной. В подвале под домом Ника было еще несколько небольших комнат и даже своеобразный санузел с биотуалетом. Сюда, на нижний этаж, никогда не приглашали гостей и это было пространство отца Ника. В этот же раз отец не торопился спускаться и Ник уже перестал его ждать.

Входная дверь хлопнула снова, и Ник услышал слова родителей:

– Он грезил стать пилотом, какой ужас! – возмущалась Анна.

– Он мечтает о космосе, а ты называешь это ужасом?

– Ну да, еще ты поддакиваешь. Вечно копаешься с приборами внизу и сына там подначиваешь, ведь так?

– Аня, ты чего от меня добиваешься?

– Ну ведь правда подначиваешь, да? То есть для тебя правила «Нондиджитала» вообще ничего, пустой звук? Что с вами там со всеми в городах происходит? Вас там зомбируют? Иначе как объяснить такую лояльность к внешнему миру?

– Здравым смыслом, Аня.

– О, конечно, ты же всегда прав!

– Знаешь, что я думаю по поводу того правила, которое приняли в движении в две тысячи пятьдесят пятом году по нашим детям? Что мы несправедливы к ним.

– Разве желать лучшего – это несправедливость?

– Но какими методами? Что это за формулировка такая: полная и бессрочная изоляция от внешнего мира для родившихся после две тысячи пятидесятого? Это как вообще? Мы, наше поколение, может пойти куда захочет и делать то, что захочет. У нас нет никаких ограничений, а у них они есть. И вот сейчас мы впервые столкнулись с тем, что наш ребенок может мечтать о другой жизни. И в этом нет ничего плохого, мы все равно тем или иным образом касаемся внешнего мира, живем к нему вплотную и работаем там. Наши дети еще дети, они смотрят на нас, и мы для них пример той жизни, какую запрещаем. Мы не живем так, как их учим. Так чего же ты ждешь от них? Чего ты ждешь от Ника в таком случае?

– Хотя бы каплю уважения. И сознательности, в конце концов! Шаттл мог взорваться, а он к нему пошёл, вплотную! Это во-первых! Во-вторых, наше движение пытается сохранить самобытность, когда весь мир уже превратился в один сплошной торговый центр.

– Аня, мы за них решили всё и не даем сделать выбор. Когда старшего поколения не станет, как они будут жить и работать здесь в полной изоляции от внешнего мира? Это невозможно!

Голоса сверху то сливались в гул, то обрывались на повышенных тонах. Ник закрыл глаза, пытаясь представить, как шаттл взлетает в звёзды – туда, где нет ни правил, ни запретов. В конце концов мальчик уснул и так и не слышал, чем закончился спор родителей. К утру роди-

тели говорили уже спокойнее, но в воздухе всё ещё висело напряжение. Была одна проблема – Ник оставался взаперти.

Глава 2. «Северный Урал»

Целую неделю мальчик провел на нижнем этаже в подвале дома. Отец спускался сюда каждый день поработать в мастерской, но Ника наружу не выпускал и приносил ему приготовленную мамой еду. Рану обрабатывал и перевязывал тоже он, заживала она довольно быстро. Чтобы себя развлечь, Ник целыми днями читал книжки и слушал рассказы отца о мире вокруг, но о шаттле никто из них не упоминал. Ночами, когда дома наступала абсолютная тишина, из единственного окошка в мастерской было слышно, как работала спецтехника, ездили тяжелые машины и раздавался металлический скрежет, будто на улице возводили что-то огромное.

Через неделю мама сама пришла за ним в мастерскую. Ник, не скрывая радости, сразу же рванул на улицу и побежал в сторону, где упал шаттл. По дороге он встретил Марину и остановился, тяжело дыша.

– Ого, мама выпустила тебя? – спросила Марина осипшим голосом.

– Да, – на выдохе едва слышно ответил Ник, – Я бегу к шаттлу. Пойдешь со мной?

– Ну... Да... – Марина глубоко вздохнула, – Только там...

– Побежали! – крикнул Ник и сорвался с места.

Марина побежала вслед за ним. У самого поля Ник уже заметно выдохся и перешел на шаг. Марина была рядом.

– Я всю неделю ждал, когда мама меня отпустит. И я всю неделю мечтал о том, как стану космонавтом. Мне даже сон снился! Я был в шаттле и смотрел в иллюминатор на землю, а потом пришел капитан и сказал, что мы отправляемся к Марсу и нужно пристегнуться! Представляешь! А когда шаттл упал пару дней назад, пилоты мне говорили, что можно стать космонавтом!

Ник продолжал увлеченно рассказывать о том, как он бы летал в космосе, исследовал мир, управлял шаттлом. Марина молча шла рядом, и её губы побелели от напряжения. Она уже понимала, что сейчас будет. Вышли к поляне, на которую рухнул шаттл, но, к удивлению мальчика, там осталось только выжженное поле, а в воздухе пахло горелым металлом и пластиком. Ник замолчал, сбавил темп шагов. Медленно побрел по полю к огромному черному пятну.

– Но... Я... – И мальчик начал всхлипывать. – Я хотел посмотреть! Просто посмотреть! Я ведь никогда больше могу его не увидеть! Это нечестно! Нечестно! – Последнее слово Ник крикнул и тут же осел на колени. Он дрожал от рыданий и смотрел на пустое пространство вокруг. Марина обняла его.

– Почему нам запрещают? Марин, почему? Почему за нас решили? Я не выбирал, где родиться... У меня мечта есть... А они... Дурацкое движение...

Ник всхлипывал ещё долго, и всё это время Марина молча обнимала его, чувствуя, как дрожат его плечи. Когда мальчик успокоился, он встал и зашагал по выжженному полю.

– Что ты делаешь? – спросила Марина.

– Пытаюсь найти место, где стоял, когда шаттл упал. Но тут всё перерыли.

Ник замер, заметив блеск в земле. Он резко сел и стал разгребать землю пальцами. Марина подошла к нему и увидела в руках мальчика полупрозрачную микросхему. Она, казалось, была сделана из стекла, и только дорожки переливались на солнце золотым цветом.

– Что это? – спросила Марина.

– Не знаю, – ответил Ник и спрятал микросхему под футболку. – У папы вечером спрошу. Вечером Ник спустился в мастерскую отца и показал ему находку.

– Я это на месте падения нашёл... – тихо сказал Ник.

– Дай-ка взглянуть, – Вячеслав взял микросхему, и пальцы его дрогнули. Он долго рассматривал деталь и уточнил: – Много там такого добра?

– Не знаю, это из земли торчало.

– Оно разлагается и отравляет землю еще сильнее. Будешь находить еще – выкапывай и приноси сюда.

– А что это?

– Обычная микросхема, но зачем она – не знаю. Ты видел, каких размеров был корабль. А микросхема малюсенькая, там их тысячи.

Вячеслав вздохнул и отложил микросхему.

– Всё-таки тебя притягивает внешний мир, да?

– Ну... Мне интересно...

– Мне ты можешь говорить как есть. Я тебя прекрасно понимаю, Никола. Ты видишь, как по ночам взлетают шаттлы, слушаешь мои рассказы о мире, в котором никогда не был, смотришь чужие фото и видео. И я прекрасно понимаю, что у тебя тоже есть мечты, и здесь их осуществить попросту невозможно.

– И как быть?

Вячеслав прокашлялся и заговорил тише.

– Правилами движения вам запрещено покидать территорию поселения, а доступ в интернет строго контролируется нами. Так вот, если первое реализовать невозможно... Кхм, пока что, то вот второе вполне нормально.

– То есть... когда-нибудь будет можно? Я что, смогу уйти отсюда?

– Ещё раз скажешь такое вслух – накажу. Я понимаю твоё рвение, но имей в виду, где находишься и среди каких людей.

– Мама говорит, что нам в городах делать нечего, что мы не сможем там найти достойную работу. Но вы ведь работаете.

– Любая работа хороша, Никола. Просто некоторые из нас работают там в обслуживающем персонале, который на свою зарплату в городе мало что может себе позволить. Поэтому мы живем здесь. И это я езжу в город и работаю не совсем по тематике движения, а вот мама твоя, как и большая часть поселка, занимается прямыми обязанностями и восстанавливает природу вокруг. Здесь, Никола, чистый воздух, натуральные продукты со своих огородов, тогда как в городах еда печатается из химикатов и сублиматов. У нас тут свои дома, напечатанные на принтерах, а не социальное жилье, какое бы нам было положено в городе с нашей зарплатой. А в городе комнаты примерно такого же размера.

Мальчик обвел глазами комнату три на четыре метра, но она показалась ему огромной. Ник подумал, и лицо его вдруг потемнело.

– Но как же... Неужели совсем никак жить не получится...

У Ника перехватило дыхание, он яростно тер кулаками глаза. Отец взглянул на сына и вздохнул. Он беззвучно выругался, а потом спокойно ответил:

– Вообще шансы есть. На моих глазах люди повышают свой уровень жизни, если получают достойное образование и находят работу, которая может их обеспечивать. С развитием робототехники простых специальностей почти не осталось, везде надо думать. А думать сейчас мало кто хочет. Есть только одна маленькая проблема. Ты ребенок движения «Нондиджитал», рожденный после две тысячи пятидесятого года. Тебе нельзя покидать поселение.

Ник отвернулся и уткнулся лицом в колени. Вячеслав сел на диван и посмотрел в окно. Там было слышно, как смеются дети и работает робот-трактор.

– Знаешь, Никола, у меня есть своё мнение по поводу некоторых правил нашего движения, но я пока не стану тебе говорить...

Вячеслав строго посмотрел на сына.

– Но пока мы живем здесь – мы обязаны им следовать. И если детям, родившимся после две тысячи пятидесятого, нельзя уезжать из поселения, значит, придется это правило соблюдать.

– Значит, мы никогда не уедем? – не поднимая головы, тихо спросил Ник.

– Наш дом тут.

Ник на это ничего не ответил, и отец продолжил:

– Так вот, Никола. У тебя есть мечта, и это очень здорово. Пока мы тебя содержим – учишься. Я дам тебе расширенный доступ к интернету. Во внешний ты не попадешь, но к базе знаний доступ получишь абсолютный. Пока так поживи, а там дальше видно будет, как жизнь пойдет.

– Я смогу стать пилотом?

– Не буду говорить ни да, ни нет. Время покажет. Со мной ты можешь быть честен в этом вопросе, но с другими никогда не заговаривай об этом. Просто учишься. Время позволяет, возможности тоже.

Ник усвоил слова отца. Но его неудержимо тянуло к внешнему миру, и он грезил им постоянно. Друзья часто находили Ника в поле на месте упавшего шаттла. Там он мог сидеть часами, а иногда бродил вокруг и каждый день находил то кнопку, то микросхему, то кусочек обшивки. И всё это относил в мастерскую отца, где Вячеслав поставил небольшой шкаф для всех находок сына. Кроме отца, единственным человеком, которому Ник доверял, была Марина. Он постепенно открывался ей, а она бережно хранила его тайны. Мальчик пересказывал ей то, что слышал от возвращавшихся с вахты во внешнем мире. При этом он умалчивал негативные вещи и рассказывал только хорошее.

Мать Ника тревожилась из-за его интереса к внешнему миру и делилась своими страхами с мужем, но Вячеслав успокаивал её и объяснял, почему Ник так интересуется шаттлом. Основной мыслью было: «Он единственный раз в жизни видел этот корабль и людей в непосредственной близости, это оставит след на всю жизнь». При этом Вячеслав в разговорах с сыном никогда не представлял внешний мир однобоко и слегка возмущался, когда Ник концентрировался только на хорошем. «Ты... Вот пойми, Никола, вдруг случится в жизни так, что ты там окажешься? Ну вдруг... Ты сознательно игнорируешь плохой опыт, а он, между прочим, может тебе спасти там рейтинг или даже жизнь».

Само предположение отца, что когда-нибудь Ник может оказаться во внешнем мире, вдохновляло мальчика и придавало уверенности в общении с ним. По мере взросления Ник узнавал всё больше о внешнем мире, но тщательнее скрывал свой интерес. Тем временем отец его незаметно для всех начал планомерно готовить мальчика к уходу из поселения и делал это столь аккуратно, что даже Ник не осознавал этого. Так наступил 2069.

Одним из главных развлечений Ника, а вместе с тем тайной подготовкой, были походы по лесам и холмам в окрестностях поселка в одиночку или вместе с друзьями. Так мальчик учился ориентироваться на местности, пользоваться компасом, навигатором, учился ставить палатку, готовить себе и другим еду. С каждым разом он заходил всё дальше и дальше, но предел был в двадцать километров от поселения – это максимальное расстояние, на которое можно было уйти, чтобы к вечеру вернуться в поселок. Ник очень любил походы, и после каждого рассказывал ребятам о том, куда ходил, что видел и с какими трудностями сталкивался. Рассказы Ника вдохновляли других ребят повторять его маршруты. Кто-то из реального интереса увидеть окрестности, а кто-то пытался показать себя и покрасоваться перед другими. Таким был один из парней, которого звали Тимуром. Тимур следовал за ним по пятам и неумело копировал то, что делал Ник. Ника это только забавляло, но соперник воспринимал эту борьбу не как игру, а как серьезное занятие. Но слепое копирование едва не стоило Тимуру жизни.

В один из дней Тимур с компанией своих друзей отправился на вершину одной из гор. Там он кривлялся и дурачился, делая вид, что сейчас кого-нибудь скинет, а потом оступился и сорвался с невысокой скалы. С криком пролетел он четыре метра и затих после удара о землю. Ребята ринулись к нему и пытались привести его в чувство, но им ничего не удавалось. Тогда один из парней побежал в поселок за помощью. Новость о происшествии мгновенно облетела

поселок, взрослые с медиком поехали в лес на квадроциклах, и через два часа бледного Тимура внесли в поселок на носилках.

– Что с ним случилось? – спросил старейшина Александр, стоявший у медицинского дома, когда туда принесли Тимура.

– Сорвался со скалы, – виновато ответили ребята.

– Ника с вами не было?

– Нет, мы без него пошли.

– А почему без него? Кто вам разрешил идти на скалы? – стал ругаться Александр. В это время к нему подошел медик и на ухо очень тихо, чтобы никто вообще не услышал, произнес:

– Старейшина Александр, мальчик очень плох. Мы на месте стабилизировали состояние, но здесь мы не сможем ему помочь. У него сотрясение и перелом шеи, и это только то, что мой сканер видит, а видит он не все.

– Вызывай «Стрекозу», – также тихо ответил Александр.

Через час тишину поселка нарушило гудение винтов «Стрекозы», которая внешне напоминала насекомое. Аппарат был с двумя крыльями и винтами на концах, белого цвета с красным крестом, надписью «Служба спасения» и линиями на корпусе. «Стрекоза» села, из неё вышли врачи и сразу направились в медицинский дом, ещё через пятнадцать минут они выбежали с носилками, загрузили их в аппарат, и тот мгновенно взмыл в небо и исчез за холмами.

Ник в это время спал в подвальной комнате, когда услышал шум улетающей «Стрекозы». Он сонно поднялся по лестнице и вышел из дома на крыльцо. По улице шли ребята из друзей Тимура.

– Ни, Тимур со скалы сорвался, – сказал один из парней, и Ник вмиг проснулся.

– Как сорвался? Когда? Почему? Как это произошло?

– Мы в поход решили пойти, поднялись на скалы. Он там на вершине начал в игры играть и оступился. Мы не успели его поймать.

Пока парень говорил, на крыльцо вышел отец Ника.

– Его сейчас на «Стрекозе» забрали, – сказал Вячеслав своему сыну.

– Старейшина ругается, что мы тебя не позвали, – продолжали ребята. – А кто-то вообще хочет запретить нам в походы ходить без взрослых...

– С запретами потом разберемся, – ответил Вячеслав. – Сейчас главное, чтобы Тимур остался живым.

Ребята молча пошли дальше. Ник смотрел им вслед вместе с отцом.

– Тимуру не давали покоя мои походы, – тихо сказал Ник.

– Он крепкий, выносливый парень? Ты ходил с ним?

– Пару раз. Он сильный, но безрассудный. Было ясно, что это рано или поздно случится...

Пап, а как же так, ведь они сейчас в город полетели?

– Да. Это была «Стрекоза» службы спасения.

– А разве нам нельзя в города?

– Можно только в том случае, если вопрос касается жизни и смерти, когда другого выхода нет, кроме обращения в больницу по экстренным причинам. Сейчас как раз такой случай.

Ник вернулся в дом и зашел на кухню, чтобы налить себе воды, но потом сел с пустым стаканом в руке и стал смотреть в пол. На кухню зашел отец.

– Что с тобой?

– С одной стороны, мне страшно от этой ситуации. Я понимаю, что в чем-то сам виноват, когда рассказывал ребятам о своих походах. Ведь им почти нечем заниматься, и некоторые ходили со мной в леса, а вели себя абсолютно неумело. Оставь их одних – они бы не справились. И потом они хвалились, что могли бы в одиночку пройти большое расстояние, не представляя, что их там ждет. Но Тимур – это другое, со слов ребят он придурился. И теперь на «Стрекозе»

летит в город. Так вот, с другой стороны, если это единственный способ оказаться во внешнем мире, то мне сейчас стало... обидно, что летит он, а не я.

– Попасть во внешний мир можно и другим способом, но не будем сейчас об этом. Сейчас главное, повторюсь, чтобы мальчик выжил. Говорят, он сорвался со скалы в четыре метра.

Ник нахмурил брови.

– С «Драконьего прыща»? Надо было у ребят спросить...

– Не знаю. Но если он не выживет, ваши походы могут ужесточить.

– Из-за придури одного?

– Да, пострадают все. Вас никто терять не хочет, родители в первую очередь. Чтобы ты понимал, маму твою приходится постоянно успокаивать, когда ты в походах.

– Да? Она мне ничего не говорит.

– Потому что я ей не даю. Иначе бы вы ругались каждый день. Но, честно сказать, я тоже переживаю. Я не переживаю, что ты потеряешься – дал тебе смартфон с навигацией и вижу, где ты. Не переживаю, что палатку не поставишь, ещё что-то бытовое... Меня волнуют дикие звери. Вот они действительно опасны и некоторые родители, кстати, уже поднимали этот вопрос. А есть ещё более опасное существо – это сам человек. Мы хоть и далеко живем, но охотников и туристов сюда заносит. И что у них на уме никому, кроме них самих, не известно.

Тимур выжил, но проходил длительную реабилитацию в течение года. На выписку за ним в город отправилась его мама, которая работала вахтами в Екатеринбурге в части обслуживания роботов, и ещё несколько человек на внедорожнике. Забирали вечером, везли ночью и приехали рано утром. Часам к одиннадцати к дому Тимура подошли ребята, включая Ника. Они большой толпой зашли в комнату к Тимуру, который сидел на кровати в своей комнате. Ребята замерли в неловком молчании, переглядываясь. Первым нарушил тишину самый младший:

– Ты... как себя чувствуешь?

Тимур отвел взгляд. Его губы дрогнули, но ответа так и не последовало. Ник ощутил, как холодеют его пальцы, сжавшие дверной косяк. Перед ним сидел не прежний задиристый Тимур, а замкнутый, сломленный парень. Тимур повернулся и посмотрел исподлобья на Ника, взглядом показав ему на выход. Этот жест заметил только Ник и вышел вон, с трудом сдерживая дрожь в коленях. Навстречу ему шла Марина.

– Ник? Что с тобой?

– Тимура пришел проводить.

– И как он?

– Сама взгляни, будто подменили.

И Ник медленно пошел домой, где уже никого не было. Он зашел на кухню и сел за стол. Через полчаса домой вернулся отец и принес свежесрезанную мяту с мелиссой, которую собирался засушить и потом использовать в качестве чая.

– Пап, скажи мне, пожалуйста, я в чем перед Тимуром виноват?

– Ни в чем ты перед ним не виноват, – раздался голос матери Ника в коридоре, и потом она зашла на кухню в белом платье. – Да, Тимур пытался тебе подражать, но это его выбор. Вспомни: сколько раз ты отказывался идти с ним, когда он вел себя безрассудно? Сколько раз предупреждал об опасности? Он сознательно игнорировал все правила – и твои, и поселенческие. Его маму жалко. Она столько лет выбивалась из сил, чтобы дать ему будущее. А теперь – реабилитация, протезы, бесконечные терапии. И все из-за минутного желания покрасоваться.

– Да, – подхватил Анну Вячеслав. – Бывают такие, к сожалению. Пока не стукнутся – не поймут. Жаль, что урок оказался таким жестоким. А ты, Никола, не виноват. Но теперь понимаешь, почему я всегда настаивал на правилах безопасности?

Глава 3. Признание

2070 год

За год походов стало только больше, о каждом теперь приходилось сообщать. Ребята ходили чаще всего группами, реже вдвоем и только Ник мог ходить в одиночку, зная все тропы вокруг поселения. Но в этот раз он был вместе с Мариной. Они сидели недалеко от поселка на холме и наблюдали за поселением. Нещадно жгло июньское солнце и не было даже легкого ветерка. Воздух был наполнен запахами хвои и лесных трав, изредка доносился запах печеного хлеба.

– Как думаешь, что нас ждёт? – спросила Марина.

– Не знаю.

– А отец твой что говорит?

– Молчит.

– Странно. Он всегда говорит правильные вещи и, вроде бы, они даже сбываются.

– Потому и молчит, чтобы не сбывалось.

– Я не просто так спросила, Ни. Вот смотрю на наше поселение, а потом глаза чуть-чуть выше делаю, а там горизонт. А за горизонтом еще горы, еще леса. Я безумно тебе благодарна, что ты меня с собой в походы водишь, я хотя бы окрестности вижу. Но что там за ними, Ни? Вот за той горой, например, что?

– Заповедник.

– А за той?

– Карпинск, город. Идти до него километров семьдесят, наши через него ездят.

– Откуда ты знаешь, что там?

– У меня же навигатор всегда с собой. А дома я иногда от нечего делать по вечерам рассматриваю карты.

Ник взглянул на Марину. Её волосы развевались на легком ветру, глаза были грустные, но смотрела она не на поле, а куда-то на вершины Уральских холмов, будто пыталась заглянуть за них и мысленно убежать отсюда подальше.

– Знаешь, – вдруг оживленно начал Ник, – Я всю жизнь мечтаю о другом. Мне нравится смотреть на звезды, мне нравятся корабли, мне нравятся истории о колонизаторах Марса. Мне это интересно, а не жизнь вот на этом клочке земли.

Марина испуганно оглянулась по сторонам и почти шепотом произнесла:

– Осторожнее с такими словами!

– А! Испугалась? Тяжело говорить о мечтах, которые целям движения не соответствуют?

– Да тебя же наказать за такие слова могут, – испугалась девушка.

– Я хочу открывать новые горизонты, жить без страха, любить без страха. Без страха быть наказанным за то, что мечтаю о чем-то большем.

– А что ты сделаешь, Ни?

– Уйду отсюда.

Марина взглянула на него, и на сердце у Ника защемило. Без слов, и он чувствовал это, она всем своим существом умоляла его этого не делать. Девушка отвернулась и нервно сжимала и разжимала пальцы, а потом с горечью в голосе сказала:

– Ни... А как же твои родители? Ведь если ты уйдёшь, что с ними будет? Отец твой, может и смириться, а мама? Она же не переживет такого. И потом, ты же понимаешь, какое отношение будет к твоей семье в поселении? Их могут изгнать, куда они тогда пойдут? А ты, ты сможешь вернуться, когда уйдешь и освоишься там, во внешнем мире? А освоишься? А если с тобой там что-нибудь случится?

Ник хотел что-то сказать, но Марина перебила:

– А я? Я держусь, потому что ты рядом, Ни. Как ты думаешь, я справлюсь здесь одна? Я тоже не принимаю того, что нам нельзя покидать поселение всю нашу жизнь, и мне очень обидно, что я так и не увижу мир. Но я всё равно предана идее жить так, как жили наши предки веками.

Ник крепко обнял Марину.

– Я заберу тебя с собой.

– Не смейся. У меня в семье нет никого, кто может работать в городе. Мне во внешнем мире никто не поможет, если с тобой что-то случится...

– Мой отец.

– Ни, ты перекладываешь ответственность. Подумай сам, что я там буду делать? Ни образования, ни дома. Работу мне там никто не даст. Мы там нулёвые, твоя мама и отец сами говорили, что с нашим рейтингом мы там бесполезны. И недавно люди из города пришли, у которых социальный рейтинг упал до нуля. По их рассказам их несправедливо обвинили.

– У моего отца тоже опускался рейтинг, но он поговорил с полицией, доказал свою невиновность и его рейтинг стал даже больше.

– Ни, это правда очень рискованно. Ты ради своей мечты хочешь поставить под угрозу своего отца, свою маму, старейшину, оставить меня без поддержки... Ради чего, Ни? Из-за слов, которые сказал тебе пилот упавшего шаттла, что ты всё сможешь, если захочешь?

– Я не выбирал, где родиться.

– Но ты выбрал меня, а я выбрала тебя... – по щеке Марины потекла слеза, которую Ник поспешно вытер.

– Маня, мне тоже страшно. Но ты же только что сама спросила меня, что там за горизонтом. Почему для тебя эта мечта кажется такой недостижимой, когда рядом есть я?

– Что может быть нужнее, чем держаться ТУТ друг за друга? И не напоминай мне эту древнюю притчу про раков в ведре! – Марина освободилась от объятий и теперь они сидели, тесно прижавшись друг к другу

– Я не могу тебе это объяснить, но я чувствую. Просто чувствую, что если сейчас не сделаю этого, то потом может быть слишком поздно. В конце концов, попытка не пытка. Если у меня не получится, я свяжусь с отцом и мы вернемся с ним вместе сюда.

– Ты так говоришь, будто в соседнюю деревню за хлебом едешь.

– А ты была хоть раз в соседней деревне? Мы же даже выехать туда не можем, потому что нам нельзя.

– Правила такие.

– О да, – и Ник стал пародировать поучительный тон старейшины Александра, – Правила в нашем доме высечены на камне.

Марина рассмеялась, потому что Ник очень хорошо пародировал. Но после смеха её лицо снова стало печальным и даже немного суровым.

– Знаешь, Ни, я боюсь тебя потерять, – она стала дышать очень часто, – И я понимаю, что для тебя это важно. Я всегда за тебя. Поэтому, если ты хочешь, то иди туда. Иди во внешний мир, стань наконец собой, ведь ты этого хочешь. Но я с тобой не пойду, я не смогу.

Только что Ник был полностью уверен, что нет ничего невозможного, но слова девушки немного отрезвили его. Он опустил голову, немного сгорбился и стал машинально рвать стебли травы рядом.

– Марина, я правда могу потом тебя забрать.

– Ни, – слова девушки застревают в горле, приходилось делать усилие, чтобы их произнести, – Ты мечтатель. Твои планы – это воздушные замки и ты пытаешься меня успокоить. Мне бы твои иллюзии и твою уверенность, я бы так не переживала.

– Наши родители работают в городах, не только на отдаленных территориях. Им можно, а нам нельзя, так ведь, получается? Почему я не могу стать как они и приносить таким образом пользу поселению?

– Потому что это не наша роль. Наши родители собой жертвуют ради нашего блага и блага людей во внешнем мире, а ты их жертву умаляешь до мизера и сводишь все адские труды на «нет».

– Да ничего я не умаляю. Я просто хочу видеть другую жизнь. И ты тоже.

Марина снова затеребила пальцами и через минуту спросила:

– Из родителей кто-нибудь что-то знает?

– Я им сегодня скажу.

– Боже мой, – шепотом произнесла девушка, – Ты действительно решился на это.

Марина закрыла рот рукой и её пальцы непроизвольно впились в собственную ладонь, оставляя полумесяцы от ногтей. Она стала смотреть на горы вдалеке, где небо становилось черным и в глубине часто сверкали молнии. Надвигалась сильная гроза, которая пришла в поселение вечером и накрыла «Северный Урал» страшной бурей.

За ужином в доме Ника царило молчание, и только тяжелые капли дождя методично выстукивали ритм по стеклу. Сегодня готовил отец, на столе были жареная курица и лепешки, в качестве десерта привезенное из внешнего мира лакомство, похожее на желе синего цвета. Родители ужинали с аппетитом, чего нельзя было сказать об их сыне. Ник сидел бледный и бесцельно водил вилкой по тарелке, так и не поднеся ко рту.

– Чего не ешь, Никола? – спросила Анна.

– Ем, просто медленно, – ответил Ник и голос дрогнул на последнем слове.

– Что-то случилось? – Анна взяла ещё один кусок курицы и положила его себе на тарелку.

– Нет...

– Ты как-то неуверенно это сказал. У вас с Мариной что-то случилось?

– Да нет, всё нормально у нас. Всё хорошо, правда.

Его вилка внезапно звякнула о край тарелки, хотя он не делал резких движений. Ник упорно избегал встречи с глазами родителей, сосредоточившись на узоре скатерти.

– Никола, если есть проблемы, то лучше скажи нам, – вступил Вячеслав.

– Ну, вообще, есть одно дело. Оно очень важное.

– Какое? – Анна отложила кусок курицы и внимательно посмотрела на сына. Взгляд ее был теплым, а на лице легкая улыбка, словно она ждала фразы от Ника: «Мы с Мариной решили пожениться».

– Касается меня и моего будущего.

– Ну же?

– В общем... Я хочу поехать в Екатеринбург.

Вячеслав даже не дрогнул и спокойно ел, но взгляд Анны резко похолодел. Её улыбка застыла на мгновение, затем растворилась. Пальцы впились в куриную кость так, что хрустнули суставы.

– И давно у тебя эти мысли? – голос матери поплыл на последнем слове, будто провалился.

– С детства.

– Понятно, как шаттл упал, так ты и не успокоился. А я тебе говорила, Слава, что его увлечение до добра не доведет. Видишь, к чему мы пришли? Вольнодумство! Никола, наше движение уникальное по своей сути. У нас миссия – сохранить природу и восстановить сельское хозяйство после глобальной разрухи. Мы вас учим и воспитываем, чтобы вы продолжали наше дело, но что я вижу спустя столько лет? Ты решил наплевать на это и уйти отсюда! Это твоя благодарность!?

В конце Анна перешла на крик и Ник напрягся, стараясь не встречаться взглядом с матерью. Он едва дышал и ковырял мясо в куриной лапе, стараясь сохранить спокойное выражение лица. Анна продолжала:

– Ты не понимаешь, что тебе вообще нельзя в город? Ты не выживешь там, ты понятия не имеешь, как себя там вести! У тебя нет документов, нет образования, нет денег, негде жить! И к тому же, там повсюду тебя контролируют камеры, браслеты или, самое поганое, датчики внутри тела. Туда нельзя ходить, сюда нельзя ходить, об этом нельзя говорить. Ты всегда будешь на виду, тебя по лицу распознают в любом переулке. А если твои данные украдут мошенники или террористы? А если на тебя ложный донос будет? А будущее, твоя семья, ты подумал о ней? Ведь там даже семья контролируется, всеми отношениями там управляют...

– Разве отношениями папы управляют? – попытался поспорить Ник, – Он ведь в системе и никто ему не говорит, что он...

Ладонь Анны с размаху обрушилась на стол, заставив задрожать посуду.

– Ты ещё споришь со мной! С каких пор ты так осмелел и решил мне перечить!? А ты, – она обратилась к Вячеславу, – Чего ты молчишь? Что за молчаливое согласие?

– Да я в лицо тебе могу сказать, что я с ним согласен, – спокойно ответил Вячеслав и стал отрывать лепешку. Анна опешила и едва тихо спросила:

– Вы сговорились? Слава, ладно Никола, он молодой, ты то куда? – потом она крикнула на Ника, – Марш в подвал! И без глупостей! Собрался он в Екатеринбург! Там с рождения нужно быть, а сейчас тебе уже поздно!

Никола встал из-за стола.

– Я имею право выбрать свой путь.

Ник ушел из кухни и через коридор вошел в подвал дома, закрыв за собой дверь. Он рухнул на диван, затем сразу вскочил и начал шагать от стены к стене, как зверь в клетке. Тут же стал щупать карманы штанов и куртки. Компас, ножик, навигатор... Взгляд высчитывающе проскользил по вентиляционной решетке, оконцу под потолком. Затем Ник снова рухнул на диван, впился пальцами в виски и стал смотреть в одну точку на стене. Тем временем наверху перепалка продолжилась.

– Аня, – Вячеслав, закончив жевать, продолжил, – Нельзя так.

– Слава, разве я что-то не то сказала? Я перечислила все, о чем ты рассказывал, когда возвращался с вахт.

– Слушай, дорогая, можно сейчас в лес выйти и через пятнадцать минут погибнуть от медведя или волка, – Вячеслав стал резать мясо на идеально ровные кусочки.

– У нас есть охотники, нас тут много, есть охрана поселка в конце концов. И всё это делается для нашей безопасности! А там? Кто его там защитит от преступников?

– Ну что ты как маленькая? Там действуют другие правила защиты.

– Слава, ты ему помочь уйти собрался?

Вячеслав ничего не ответил и продолжил есть. Он пристально смотрел в тарелку и, как и сын, избегал прямого взгляда на Анну.

– Странно, – продолжила она, – что многие работающие в городах говорят хорошо о жизни за пределами поселений, а потом кто-то из вас получает блокировку и запрет работы, кто-то сталкивается с несправедливостью. Но вы всё равно отзываетесь хорошо! А знаешь почему? Вас там зомбируют, и вы меняете свое мнение.

– Ты судишь по чужим словам, не зная реалий. Я бы сказал рассказней некоторых наших товарищей. А между тем, в городах и обычных деревнях всё не так плохо. Люди там живут и довольно хорошо. У Ника будут шансы, если он поступит в университет и получит образование, тогда можно получить хорошо оплачиваемую работу. Если не выйдет – путь назад всегда открыт, – всё так же спокойной ответил Вячеслав, точными движениями положил на стол вилку с ножом и стал вращать обручальное кольцо на пальце.

– А как же закон, Слава? Им нельзя покидать поселение и его возврат будет иметь для него последствия.

– Не закон, а внутреннее правило, которого я не понимаю. Кажется, мы с тобой это уже обсуждали. Ходим по кругу, давай спрошу ещё раз. Вот не стало нас, молодые ребята с внешним миром не общаются, как договариваться с людьми из внешнего мира не знают. Работу во внешнем мире не работают, закрыты в изоляции от внешнего мира. Если с поселением что-то случится – они не выживут. Если сейчас мы, работающие в городах, что-то привозим новое, то потом кто это новое будет привозить? А как же свобода выбора в поселении? А не будет никакой свободы выбора, и люди будут зависимы от всего, что происходит тут. Этот закон приведет нас к стагнации, Аня, а потом к разрушению. Это лишь начало возможных последствий. Слушай, это очень плохие правила. Они до добра не доведут, и я не хочу такой участи своему ребенку. И рассказывать, что так мы спасаем их от якобы растреления не надо. Ник имел доступ во внешний интернет в разы больше остальных и ты это знаешь, ты это даже поощряла. Теперь уже заднюю давать бессмысленно.

– И что? Ты его отпустишь?

– Никто не сможет удержать его, если он решится. И никто из нас его не остановит.

– Он не подготовлен к жизни под постоянным наблюдением.

– Мы тоже, но ведь работаем. Приспособились.

– Да вы взрослые люди! – перебила его Анна.

– А он уже не ребенок. И выбор его осознанный. Он мог бы сейчас сбежать как трус, но он, зная твою позицию, пришел сюда и честно признался.

Вячеслав замолк, но вена на виске заметно пульсировала, а сам он часто сглатывал без причины. Дождь продолжал барабанить по стеклу. За окном сверкнула молния и на секунду осветила пустынную улицу поселка.

– Я его выбор признаю, потому что когда-то сам был мечтателем, но Большая война помешала. – тихо сказал Вячеслав, – Нам выпало восстанавливать разрушенное и строить фундамент для будущего поколения, а на их плечи ложится сама жизнь. Жизнь, во всех её возможностях и красоте. И если Никола захочет уйти – я ему противиться не стану.

Анна резко встала и ушла из кухни в комнату. Она встала посреди неё, тяжело дыша. На секунду женщина закрыла глаза, будто хотела сбежать из реальности, а когда открыла их – белки глаз покраснели от напряжения. Она беспорядочно теребила цепочку на шее, и казалось, что вот-вот сорвет её.

Ник лежал на диване, впившись пальцами в матрас и оставляя вмятины на ткани. В это мгновение в мессенджере поселка в личные сообщения Нику пришло уведомление от отца:

«О твоём намерении догадывался уже месяц. Собрал тебе сумку. Если ты правда готов – дожись ночи, вылезай через окно и беги отсюда. Только куртку возьми, там проливной сегодня, и в ближайшие пару дней будет. Я сейчас удалю это сообщение, но если ты готов, напиши «Нужно тарелки забрать»».

Сердце колотилось – не от азарта, а от осознания, что обратной дороги нет. Пальцы дрожали так, что трижды промахнулся, набирая кодовую фразу. Предыдущее сообщение удалилось и через полминуты Вячеслав спускался в подвал. Ещё со ступенек он начал:

– Рюкзак собранный в шкафу лежит. Там теплые вещи и походный набор, ты с такими каждый раз бегал. – Отец подошел к шкафу и достал рюкзак, поставив его перед Ником. – Выйдешь через южную тропу. В смартфон я загрузил маршрут, по которому можно идти. В боковом кармане бумажная карта и данные для компаса. Компасом пользоваться умеешь. Это на крайний случай. Идти тебе почти семьдесят километров до Карпинска. В боковом кармане – йодированные таблетки для воды. Фильтр на три дня. Всегда проверяй воду, которую пьешь. По поводу еды. В сумке лежат компактные сублиматы и питательный гель. Если твой поход затянется на три дня – придется искать ягоды и грибы, как я тебя учил. Но это в крайнем слу-

чае. Для стоянок дам тебе вот эту палатку, она навороченная. Внутри инструкция. Если в пути поймешь, что передумал, что-то с тобой пошло не так, со зверьем столкнулся и не можешь выбраться – в смартфоне тревожная кнопка поселка. Она не к локальной связи у тебя подключена, а к спутниковой, поэтому мы сразу узнаем где ты. Но об этом, что я её переподключил к спутнику, никому не говори. Это самый крайний способ из всех. В Екатеринбург доберешься, я выведу твоё устройство из базы данных поселка, кнопка перестанет работать. Но прежде Екатеринбурга будет Карпинск. В Карпинске, не важно, днем или ночью, просто выходишь под камеры и шуруешь. Ты не идентифицирован, подросток, тобой интересуются. Полиции не ври, говори всё как есть: кто, откуда, чего хочешь. Всеми силами добивайся, чтобы тебя там оставили. Как доберешься – найди меня в соцсети «Евразия». Просто введи имя и фамилию, и город Первоуральск.

– Это где ты родился?

– Да. Там моя фотография, сразу узнаешь. Тебе надо будет зарегистрироваться, чтобы мне написать. Не знаю, как сейчас, раньше можно было писать и звонить, даже если у тебя неидентифицированная учетная запись в «Госсистеме».

Каждое слово он выговаривал с неестественной четкостью, будто боялся, что голос дрогнет. Трижды потянул молнию на рюкзаке, проверяя, не расстегнется ли она сама. Вячеслав взял тарелки и медленно пошел к выходу:

– В походы ты ходил часто, выживать в наших лесах умеешь. Единственное, там проливной дождь. Может, дождешься сухой погоды? Нет? Эх-х-х. Тревожно мне за тебя. А, и вот ещё что.

Вячеслав поставил тарелки на ступеньки и вернулся в комнату. Из ящика он достал фальшфейеры и ультразвуковой отпугиватель.

– Я надеюсь, это всё тебе не пригодятся. Фальшфейеров тут в упаковке четыре штуки. Не трать зря. Тонкие, но светят ярко, будто день вокруг. Не боятся ни воды, ни ветра, военная разработка. Не спрашивай, где достал. Это от диких зверей. От волков, их тут последнее время не видно, но что там в лесах дальше сорока километров я не знаю. И отпугиватель. Его на ночь можно включать, работает на солнечной батарее.

Он продолжал шарить в коробке, хотя отпугиватель и фальшфейеры уже лежали рядом. Потом взял все это в руки и протянул Нику. Парень заметил, что упаковка фальшфейеров дрожит – дрожали руки отца. Он вручил вещи сыну и пошел к лестнице. Его спина была неестественно прямая, как на параде, но под манжетами виднелся дрожащий от напряжения бицепс.

– Спасибо, пап, – негромко произнес Ник, но Вячеслав его услышал и кивнул.

Дверь закрылась. В подвале было тепло и уютно, мерцал приятный оранжевый свет, пахло жареной курицей и лепешками. За семнадцать лет дом в горах Урала стал самым родным местом для Ника, но сердце трепетало перед неизвестностью, и легкий восторг окутывал каждую клеточку. Ник посмотрел на часы, было девять часов вечера. Предстояло решить, как выбраться со всеми вещами через вытянутое вдоль земли окно. И сколько идти под проливным дождем, чтобы уйти как можно дальше в первые сутки. Ник плюхнулся на диван и стал изучать карту. Идти всего предстояло семьдесят километров по дороге, которая образовалась тут за много лет существования поселения. По этой дороге до города рабочие-вахтовики добирались за четыре часа на внедорожниках, но Нику предстояло идти пешком. Он посмотрел на карту и наугад выбрал точку на маршруте. До точки от «Северного Урала» было двадцать один километр. Неодобрительно фыркнув, он выбрал точку поближе – теперь было десять.

Пришло сообщение от отца:

«Забыл сказать. Поспи сейчас, выходи рано утром и пройди как можно дальше. Не ночуй близко к дороге. Когда станет известно о твоей пропаже, могут отправиться искать. Не попадись.»

После этого сообщения Нику стало не по себе. Он понимал, что ничего такого ему не будет, ведь люди знали о том, что он часто ходит в походы. Но если он уйдет слишком далеко и встретится с неизвестными – как вести себя? Парень долго сидел и покусывал губы, нервно болтая пяткой. Потом поставил будильник на два часа ночи, чтобы в последний раз уснуть на диване в подвале дома поселения «NONDigital – Северный Урал». Когда пришло время, и будильник разбудил его среди ночи, Ник взял вещи и приготовился к вылазке.

Глава 4. Покидая дом

Ник делал под окном баррикаду, чтобы подобраться к нему. Узкое подвальное окно, расположенное под потолком, с трудом открывалось наружу, царапая раму по кирпичам. В начале Ник хотел подтащить большой ящик, который был ему по пояс и высоты которого хватило бы с запасом. Попытка сдвинуть ящик заставила его ржавые полозья взвыть. Ник плюнул и стал ходить по подвалу в поисках подходящего предмета для вылазки. В двух комнатах он ничего не нашел, в третьей на глаза попалась табуретка с двумя целыми ножками. Через минуту табуретка стояла под окном, а Ник искал всё то, что могло стать импровизированной третьей ножкой. В ход пошли кирпичи, книги, металлическая коробка. Для последних двух сантиметров парень ничего найти не сумел – попадавшие под руку предметы были больше нужного, стул начинал крениться и становился неустойчивым. В конце концов Ник оставил стул как есть.

Все теплые вещи парня хранились в подвале в одной из комнат. И комнат у него в доме было две: одна на первом этаже и одна в подвале. На первом этаже остались дневники и тетрадки с записями, нижнее белье, футболки и памятные для Ника вещи, но вернуться туда Ник не мог: для вида и конспирации отец закрыл дверь в подвал на ключ. Ник достал из комнаты в подвале теплые вещи и непромокаемую куртку. Дальше предстояло самое сложное.

Встать на стул с тремя ножками, держа в руках портфель и палатку, Нику удалось с первого раза. Когда он повернул ручку и открыл окно – в лицо ему ударил ветер, который принес запах озона, сырой земли и мокрой травы. Резко стало холодно, сквозняк полетел по подвалу и зазвенели старинные колокольчики. Ник вытолкнул наружу сначала тубус с палаткой, потом попытался вытолкнуть портфель, но едва не свалился вместе с ним со стула, который предательски пошатнулся и тут же оперся на импровизированную ножку. Замерев и простояв несколько секунд в неудобной позе, Ник аккуратно переложил портфель сначала на подоконник, а потом толкнул его на улицу. Портфель шлепнулся в грязь, но времени вытирать его не было. Дальше нужно было вылезти самому. Оттолкнувшись от шатающейся табуретки, он вцепился в подоконник, а затем рывком перекатился через раму, в тот же миг услышав, как стул треснул у него за спиной.

Оказавшись на улице беглец сразу ощутил всю мерзкость погоды и, съёжившись от ледяных ударов дождя, пополз вдоль стены, цепляясь за шершавый кирпич, чтобы не поскользнуться в грязи. Он должен был бежать прямо, но ноги сами понесли его к дому Марины. Её окна выходили на улицу и в них единственных, несмотря на глубокую ночь, горел свет. Ник тихонько постучался в окно и тут же за шторами началось движение. Марина чуть-чуть отодвинула штору, а когда разглядела в темноте Ника быстро раздвинула их и открыла окно.

– Ни? Что происходит? – начала она шепотом.

– Марина, я ухожу в Екатеринбург.

– Ты с ума сошел? В такую погоду, ночью, один... – Марина на секунду замолчала и потом тихо добавила, – А если с тобой что-нибудь случится?

– Марина, прошу тебя, успокойся. Я обязательно дойду до города, я хорошо подготовлен, мне помогал мой отец.

– А мама? Она же не переживет этого...

– Мама знает, – отвели Ник, – Ей это не понравилось, но другого выхода у меня нет. Всё, мне нужно бежать...

– Подожди!

Марина отошла от окна и исчезла в дверном проеме комнаты. Дождь хлестал всё сильнее, но Ник не двигался, прикованный к месту. Через пару минут Марина вернулась со свертком в платке.

– Возьми, это в дорогу. А платок этот мой, сохрани его. Всё, беги, – И Марина, вручив сверток Нику, со слезами на глазах закрыла окно и затем шторы. Она бросилась на кровать, уткнулась в подушку и разрыдалась так сильно, что даже Ник услышал ее через стену. Через мгновение Марина сунула ему сверток, спешно завязанный в платок. В это мгновение ему захотелось все бросить, зайти в дом и обнять девушку, но голоса родителей девушки в её комнате испугали его, так что он испуганно рванул прочь.

Теперь он шел по поселку на южную тропу, но в ушах стояло эхо рыданий Марины, и невольно он представлял реакцию матери на свой уход. Его охватила тошнота, сверток все еще был в руках и уже намокал, а положить его было некуда. Ник поднес его к лицу и почувствовал запах шарлотки, какую умела готовить только Марина, затем уловил знакомый шлейф её духов. Еще через секунду парень не выдержал и заплакал сам, постепенно ускоряя шаг. На ходу Ник затянул куртку в районе пояса, расстегнул молнию и убрал сверток во внутренний карман куртки. Потом парень успокоился и взглянул на часы, показавшие три ночи. Южная тропа у самого поселка была со светодиодными маркерами, которые выглядели как белые полосы метровой длины на стволах деревьев и даже немного освещали путь. Но вскоре они кончились, и Ник погрузился во тьму. Дождь стал быстро ослабевать и парень достал смартфон для навигации. Воды устройство не боялось, но смотреть через полупрозрачный экран во время дождя оказалось неудобно. Ник убедился в правильности маршрута и двинулся дальше.

Первые двадцать километров путник прошел без проблем. К утру дождь закончился и Ник встретил рассвет в горах Северного Урала, не прекращая идти. Первый привал он сделал только в девятом часу утра вдалеке от тропы. Уходить с неё он не боялся – всегда под рукой была карта с навигацией от спутников, записанная в память устройства и не требующего подключения к сети. А сеть была, на экране отображался значок спутниковой связи, но как этим пользоваться, Ник пока не понимал. Отец всегда сам активировал для него связь, и как именно он это делал Ник не видел, а самостоятельно включать связь и выходить во внешний интернет парень никогда не пытался и даже не задумывался, как это сделать. Завтракал Ник шарлоткой, которую дала ему Марина. Потом ещё минут десять сидел, прижав платок к лицу и вспоминал все приятные дни, которые провел с девушкой. Очнулся от воспоминаний, когда вдалеке услышал квадроцикл на тропе и голоса. Стоянка прервалась.

Следующие семь часов парень пробирался через пересеченную местность. Идти становилось все труднее, клонило в сон. А под конец дорогу преградила небольшая речушка. Ник достал специальную колбу и подключил её к смартфону по беспроводной связи. Открыв приложение, он опустил колбу в воду. Через пару секунд анализ выдал химический состав воды и показал, что эту воду можно пить. Тогда Ник припал к реке и жадно пил ледяную воду. В это мгновение, протерев лицо и убирая руку, Ник едва не вскрикнул от неожиданности, когда по ту сторону через три метра у себя увидел огромного лося, который пил воду. Медленно, лицом к животному и без лишних телодвижений, Ник стал отходить назад. Он оглянулся по сторонам и увидел упавшее дерево, на которое решил сесть. От животного он отошел уже метров на пятьдесят и теперь просто хотел перевести дух, но когда сел на упавшее дерево, то услышал сначала тихий хруст, а потом внезапно повалился и упал на землю. Внутри портфеля что-то прозвенело, и это напугало лося, который поднял голову и через секунду устремился в лес.

Ник стал вставать, но делал это очень тяжело и неохотно. Он вновь открыл карту и увидел, что находится в трех километрах от тропы. Здесь же он снял с себя портфель и палатку, которую достал из мягкого тубуса. В сборном виде она напоминала всё тот же тубус с небольшой панелью наверху. Палатка устанавливалась автоматически, достаточно было нажать на кнопку и запустить режим сборки. Ник поставил её на ровную поверхность и запустил сборку. Из конструкции, которая напоминала трубу диаметром пятнадцать сантиметров и в длину пятьдесят, через две минуты образовалась палатка два на два метра. Верхние стены её были из гибких солнечных панелей, так что почти сразу она стала заряжаться. Ник взял все свои вещи,

ввалился внутрь и закрыл палатку изнутри. Внутри был второй слой, несмотря на небольшую толщину которого звук снаружи не проходил и внутри от этого создавалось ощущение полной изоляции. Ник поставил смартфон на зарядку, активировал датчики движения снаружи и тут же уснул.

Проснулся парень под вечер, поужинал консервой, убрал палатку и снова в путь. Но идти было очень тяжело, Ник чувствовал себя разбитым и еле волочил ноги. За четыре часа он прошел всего десять километров и вдобавок отклонился от маршрута. Поставил палатку, приготовил себе чай из трав, которые были в сумке, и снова лег спать.

Ночью ему снились кошмары. Постоянно казалось, что возле палатки кто-то ходит и шуршит, но датчики ничего не фиксировали. В какой-то момент Ник настроил их на максимум, но они всё равно ничего не увидели. Продремав всю ночь, Ник проснулся под утро и чувствовал себя очень плохо. В тот момент он решил, что спешить ему некуда и, когда уже стало светло и спокойнее, уснул снова. Проснулся в одиннадцать утра. Открыл карту и стал решать, как идти дальше.

За всё время он прошел пятьдесят километров, и если сегодня поднажать, то можно через двадцать километров дойти до Карпинска. Ник сел и ощутил тяжесть и боль в ногах – ныли мышцы после вчерашнего маршброска. Сидя в палатке, Ник начал собираться и наткнулся на платок Марины, который взял в руки и несколько минут с грустным видом разглядывал его, а потом положил в портфель и продолжил сборы. Труднее всего оказалось встать. В этот момент Ник захотел на сутки остановиться и отдохнуть, но потом передумал и всё-таки вышел из палатки.

Жара стояла под тридцать градусов, температура была больше двадцати пяти градусов тепла. Ник убрал палатку и отправился дальше. На этот раз он прошел ещё десять километров. В пути несколько раз слышал странные звуки, похожие на жужжание больших мух, а потом разглядел в небе над лесом октокоптер с восемью винтами. Такие устройства Ник видел только раз в своей жизни, а этот был большой, черный и от одного его вида у мальчика сжималось сердце. Парень не останавливался и поглядывал на аппарат, который, казалось, преследовал парня. Ник вышел на поляну и октокоптер начал действовать. Он резко полетел вперед над полем, развернулся, опустился до высоты человеческого роста и направился к Нику. Ник рванул обратно в лес, когда от октокоптера отделился мелкий квадрокоптер с четырьмя винтами и полетел за парнем. Дрон держал дистанцию – ровно два метра. Ник бежал через лес, скрывался за препятствиями и прыгал в канавы, но квадрокоптер всегда оставался на одном расстоянии, будто привязанный. Выбившись из сил, Ник в отчаянии рухнул на землю и стал смотреть на аппарат. Корпус дрона вспыхнул алым и раздался мощный писк. Сигнал подхватил октокоптер на поле, а потом раздался звук откуда-то издалека, больше напоминавший сирену. Оба аппарата стали по очереди пищать и Ник решил вернуться на поле, ориентируясь на звуки октокоптера. Но когда парень вышел на поле, то второго аппарата там не обнаружил. Почти сразу на поле показался полицейский внедорожник.

– Юноша, подойдите к машине, – раздалось из рупора. Ник повиновался и подошел к белому, со следами грязи из-под колес внедорожнику с надписью «Полиция России». Из внедорожника вышел полицейский в черной форме и в очках, с едва заметной проекцией на стёклах.

– Юноша, откуда вы? – спросил полицейский.

– Поселение «Северный Урал», движение «Нондиджитал».

– Вы ушли слишком далеко.

– Я сбежал из поселения, – признался Ник.

Полицейский снял очки, окинул парня оценивающим взглядом и кивнул головой в сторону машины.

– Садитесь. До Екатеринбурга пешком – не дойти.

Ник удивился, что полицейский сразу понял его намерения, но покорно сел в машину и сразу уснул. Он даже не заметил, что в машине, помимо водителя, сидел ещё один полицейский. Через сорок минут уже были в Карпинске, в отделении полиции.

Полицейский распахнул дверь и тронул Ника за плечо:

– Вставайте, мы приехали.

Ник довольно быстро пришел в себя и сразу вышел из машины. Полицейский завел его в отделение и парню стало немного не по себе. В помещении было чисто и прохладно, однако стены и потолок выглядели древними, темными, а полупрозрачные экраны и многофункциональные камеры казались инородными элементами.

– Вот, беглец с анклава, – произнес полицейский и передал Ника дежурному сотруднику. Тот повел его в кабинет, где стояли только стол и два стула, сбоку на столе была установлена камера. Дежурный посадил Ника спиной к выходу, сам сел напротив и нажал кнопку на столе. Сбоку возник голографический экран с базой данных.

– Посмотрите в камеру, – скомандовал дежурный.

Ник посмотрел в камеру.

– Ваши фамилия, имя и отчество?

– Никола Вячеславович Бруновский.

– Совпадает, – ответил дежурный и Ник снова удивился, – Возраст?

– Семнадцать лет.

– Где проживаете?

– Поселение «Северный Урал», движения...

– Почему покинули поселение?

– Учиться хочу.

Полицейский пронзил его ледяным взглядом.

– И как вы себе это представляете? Выползли из леса и сразу в университет? Семья у вас полная?

– Да. Мама и папа.

– Они в курсе, что вы сбежали?

– Не знаю, может быть.

– Ладно, а вы сюда зачем пришли?

– Да я не сюда шел, я в Екатеринбург.

– Вы издеваетесь, молодой человек? Вы понимаете, на каком расстоянии находится Екатеринбург отсюда? Вы пешком собрались туда идти? – начал давить дежурный.

– Ну... Не знаю. Мне бы вообще разобраться, как тут все устроено...

– Что-то ты умалчиваешь, дружок. Живете в лесах, вдали ото всех. Делаете доброе дело, не спорю, в земле копаетесь, деревья сажаете. Взрослые ещё контактные, некоторые в городах работают. А вот дети твоего возраста и младше избегают общения. И в последнее время никого из них что-то не видно в центрах образования, никто ни к чему не стремится.

Ник уставился на дежурного. Его возмутили эти слова, ведь он, как и многие, всегда говорил о внешнем мире и жаловался на то, что по правилам поселения никогда не сможет в нем оказаться. А тут стереотип.

– А если встретишься с детьми в лесу, – продолжал дежурный, – так они тебе нагло отвечают и никакого уважения. И тут ты.

– Не правда, что никто ни к чему не стремится. Да, есть правило, нам нельзя переезжать в город и мы с рождения учимся восстанавливать природу вокруг. Но не все такому рады, я тоже. Не все хотят в земле копаться. Поэтому я...

– Другим стать захотел? – перебил его дежурный. – Странное у вас правило. Да и вы в целом все странные. Знаешь, почему я не хочу тебя видеть здесь? Потому что некоторые

уже взрослые люди, представители твоего движения, переехали в города в студенческие годы. Только потом они превращались в воров, убийц, казнокрадов,

– Но не все ведь такие... – начал оправдываться Ник и дежурный снова перебил его.

– Вы нам здесь совершенно не нужны. Отправлю-ка я тебя обратно...

В это время в помещение зашла женщина лет тридцати пяти в полицейской форме.

– Андрей, мальчик из «Северного Урала»?

– Да, из этих, которые в поселении живут.

Женщина взглянула на Ника с изумлением.

– Вы самостоятельно преодолели такое расстояние в одиночку?

– Ну, в конце уже был в изнеможении, и если бы не полиция, я бы дошел только к завтрашнему вечеру, – ответил Ник и улыбнулся женщине. Её спокойный тон и открытое лицо вызывали у него доверие.

– Что с ним делать? – устало спросил дежурный.

– Оставлять, что с ним делать... По закону мы не можем его просто отправить обратно.

Несовершеннолетний, всё-таки, – она обратилась к Нику, – Чего такой бледный?

– Устал, – ответил Ник.

– Я его забираю, – обратилась женщина к дежурному и затем снова к Нику, – Меня зовут Кристина, я уполномоченный по делам несовершеннолетних. Сейчас мне нужно будет узнать от тебя некоторую информацию, а после я отправлю тебя отдыхать.

Из-за двери послышался мужской голос:

– Кристина, скорая приехала.

– Да, пусть ко мне в кабинет заходят. Проведи их, пожалуйста.

Она жестом показала, чтобы Ник следовал за ней и он повиновался. В кабинете Кристины, на табличке которой было написано Кристина Владимировна Кимирович, было светло и довольно приятно. Внешне этот кабинет отделкой напоминал дом старейшины Александра, куда Ник заходил несколько раз. Такой же белый материал, тот же едва уловимый химический запах, тот же дизайн полок внутри стен и шкафов. Приглядевшись к строению за окном Ник понял, что находится в новой части здания. Кристина указала на диван, а сама села за стол и стала работать за компьютером. Не успел Ник сесть на диван, как в кабинет вошли врачи с молодым полицейским-курсантом.

– Здравствуйте, Кристина Владимировна, – устало произнес один из врачей.

– Здравствуйте. Юноша, семнадцать лет, прошел шестьдесят километров за сутки, провёл в лесу все это время. Осмотрите его, пожалуйста.

Врачи принялись осматривать, используя разные цифровые приборы. Самый старший из бригады потом интерпретировал эти результаты и вписывал в планшет. Потом был визуальный осмотр на предмет укуса насекомых, но ничего такого не нашли и вышли из кабинета.

– Итак, – продолжила Кристина, – Вас зовут Николай?

– Никола.

– А полное имя?

– Да тоже Никола.

– Хорошо, Никола, полное имя значит Николай. В документах вы записаны как Николай, это официальная форма имени.

– В каких документах?

– В базе данных.

– Подождите, – нахмурился Ник, – Мы же не регистрировались никогда...

– Вы документы не получали и цифровой профиль не создавали, но информация о вашем рождении существует в базе данных. Ваши родители зарегистрировали ваше рождение, но не оформляли документы, – Кристина Владимировна взглянула на хмурого Ника и слегка улыб-

нулась. – У вас ещё будет много открытий. Итак, ваш отец, Вячеслав Николаевич Бруновский, родился в городе Первоуральске, ныне проживает в поселении «Северный Урал».

– Да.

– О матери вашей нам известны только дата рождения и «фио», Анна Игоревна Бруновская. Расскажите, пожалуйста, о вашем поселении, жизни в нем, и почему вы на самом деле покинули его. И, пожалуйста, ничего не скрывайте. У нас есть данные наблюдений, но нам важна ваша версия. Мы хотим сопоставить эти данные.

Ник стал рассказывать Кристине о жизни поселения и его правилах. Женщину ничего не смущало в истории мальчика, пока он не сказал, что детям, рожденным после две тысячи пятидесятого года, запрещено покидать территорию поселения на протяжении всей жизни.

После рассказа Ника женщина позвонила коллегам и через час Ника везли в Екатеринбург на полицейской машине. Дорога заняла несколько часов, и Нику разрешили поспать. Когда он открыл глаза, машина мчалась по шоссе с мигалками, за окном мелькала панорама огромного мегаполиса с редкими небоскребами. Тут же рядом на огромной скорости промчался скоростной поезд стреловидной формы. Несмотря на архитектурное разнообразие, город выглядел удивительно гармонично: дома конца двадцатого и начала двадцать первого века из кирпича и бетона соседствовали с домами, напечатанными на строительных принтерах и имевших округлые формы. Здания были либо выкрашены в белый, либо зеркальными, утопающими в зелени и недавно посаженных деревьях. Минувя пригород, они выехали на центральный проспект, проехали по набережной через реку и свернули в комплекс небоскребов. Нику показалось, что сейчас его заведут в один из них, но повели парня в здание по соседству, где располагался следственный комитет.

Тут сотрудниками был проведен дополнительный допрос, но ничего нового Ник не рассказал и в показаниях своих не расходился. Назвав своей целью «учиться» Ник вызывал снисходительные улыбки у сотрудников, и они повели его в специальную комнату. Внутри была полная звукоизоляция, а посередине установлено кресло с мониторами. На мониторах крутилась анимация шарика, слегка меняющего свою форму. Сотрудники посадили парня в кресло и один из них произнес:

– Фемида, дело от пятнадцатого июня две тысячи семидесятого года.

В ответ раздался приятный умиротворяющий женский голос:

– Какое дело вы хотите проверить?

– Номер семь.

– Дело номер семь. Побег несовершеннолетнего подростка из движения «Нондиджитал».

Установите, с кем предстоит работать?

– С подозреваемым.

– Принято, – нейтрально ответила Фемида.

– Я подозреваемый? – удивился Ник, и в это мгновение вокруг него загорелись белые точки, а сам он увидел самого себя с многочисленных ракурсов на экране. Потом эти ракурсы исчезли и появился текст дела. Фемида начала говорить холодным металлическим голосом, а подсветка углов и граней комнаты стала красной:

– Никола Вячеславович Бруновский. Семнадцать лет. Член движения «Нондиджитал». Прибыл в окрестности Карпинска пешком, был задержан патрулем после сообщения из «Северного Урала» о побеге. Цель визита: интеграция в цифровое общество. Согласно протоколу три-один-бэ вы подозреваетесь в шпионаже.

– Что!? – вскрикнул Ник и график пульса взметнулся до 130 ударов в минуту. Затем на экране появилось видео: Ник в одежде, в какой сейчас сидел, был у костра возле палатки в лесу и получал от неизвестного мужчины сверток. Сверток увеличился в размере и появилась фотография микросхемы, которую Ник когда-то нашел на месте крушения «Генезиса» и унес с собой. Ник задрожал. На экране появилась анимация увеличивающихся зрачков и крупным

планом камера показала микродрожание губ. В углу экрана появилась надпись: «Вероятность лжи – 90%». Фемида продолжила:

– Вы принесли с собой микросхему, которая по коду соответствует устройству мобильной связи «земля-космос».

– Я три дня шел и никого не встретил, кроме лося на берегу реки, – сдавленно ответил Ник, – Я даже в смартфоне отметил координаты того места, и ночевал потом там же в палатке. Но я ни с каким мужчиной не встречался. Эта микросхема была найдена на месте падения шаттла «Генезис» в две тысячи шестьдесят втором.

Цвет комнаты сменился на приятный зеленый цвет, и Нику на мгновение показалось, что он сидит посреди леса. Тон Фемиды также изменился на более мягкий:

– Успокойтесь, это была проверка, которую вы не прошли. Вижу, врать вы не умеете и не сможете, – На экране появились фотографии поселений «Нондиджитал», среди которых Ник узнал «Северный Урал». Фемида продолжила: – «Нондиджитал» – мирная организация, ставящая своей целью возрождение и развитие сельских территорий России, сохранение традиций и укрепление связи человека с природой, – Ник за время этих слов слегка успокоился и пульс на экране был 90 ударов в минуту, а по лицу потекли капли пота. На экране появился свод законов движения, потом увеличился и остался текст «Особые правила для детей (родившихся после 2050 года)». Фемида заговорила:

– Как представитель аудитории, указанной в законе движения, расскажите об отношении взрослых людей к детям в поселении «Северный Урал».

– Да нормальное отношение.

– Вы сталкивались с ограничением своих прав?

Ник почувствовал, как по спине пробежал холодок и оценка его общего состояния на экране с девяносто условных единиц опустилась до восьмидесяти. Увидев, что что-то идет не так, Ник ещё больше испугался и значение опустилось до семидесяти пяти. Фемида, не получив ответа, спросила таким аккуратным и нежным тоном, что к страху Ника прибавилось удивление:

– Вас испугал мой вопрос?

Ник замешкался на секунду и потом уверенно ответил «нет».

– Вы имеете личную заинтересованность при обсуждении этой темы со мной?

– Нет, – еще более уверенно ответил Ник.

– Тогда расскажите, – продолжила Фемида обычным тоном, – испытываете ли вы притеснения в своих правах, в соответствии с пунктом «о запрете покидать территорию поселения детям, родившимся после две тысячи пятидесятого года» даже после достижения совершеннолетия?

– Нет.

– Препятствовал ли вам кто-нибудь перед уходом из поселения?

– Нет, мне помогли уйти.

– То есть, вы, и тот, кто вам помог, нарушил внутренние правила поселения?

– Ну... Я... Формально да.

– Вы считаете, что вас не притесняют в правах, но покидаете поселение вопреки внутренним правилам движения. Вы сами себе противоречите.

– Просто я отличаюсь от остальных ребят. Много лет назад я стал свидетелем падения «Генезиса» и оказался рядом с пилотами шаттла, когда они вышли из него. Я разговаривал с ними, и они вдохновили меня словами, что когда-нибудь я сам смогу стать пилотом.

– Хроника падения шаттла «Генезис» упоминает ребенка, с которым общались командир и пилоты. Но я не могу идентифицировать в этой истории именно вас, даже при наличии у вас чипа с «Генезиса». Кроме того, своими словами вы подтверждаете, что покинули поселение вопреки внутреннему правилу движения, которое нарушает права детей. При этом вы указы-

ваете на то, что лично вас никто в правах не ограничивал, а покинули вы поселение исключительно из личных побуждений. Можно ли судить о том, что вы жили обособленно от движения или имеете что-то против «Нондиджитал»?

– Я не против нашего движения. Просто я хочу большего, чем всю жизнь просидеть в одном месте и вспахивать землю или заниматься ремеслами. Мир давно ушел далеко вперед, мы осваиваем Луну, Марс, собираемся отправлять человека к спутникам Сатурна. И я хочу быть к этому причастным.

Тон Фемиды стал ещё более теплым:

– Но ведь кому-то нужно поддерживать природу и развивать сельское хозяйство. Ваше движение гордится своими достижениями. Вижу, что вы очень мало знаете о действиях «Нондиджитал».

На экране появились изображения выжженных лесов, высушенных озер и огромных пустынь. Затем рядом появились фотографии того, как выглядят эти же места сегодня.

– Благодаря движению, восстановлены более тридцати процентов уничтоженных лесов, постепенно возвращается культура потребления натуральных продуктов и восстанавливается популяция сельскохозяйственных животных по всему миру. Кому как ни вам продолжать дело ваших сородичей?

– Я не выбирал, где родиться. И мои знания могли бы быть полезными на Луне или Марсе. В конце концов, нужно больше знаний в любом случае, я так считаю.

Пульс Ника уже был 70 ударов в минуту, когда Фемида заключила:

– В ваших словах есть противоречия. Мы глубоко уважаем «Нондиджитал» и поддерживаем его, но нас беспокоит указанное мною внутреннее правило, которое ограничивает права детей в свободе выбора дальнейшей жизни. Пока что вы единственный из всех детей, родившихся после две тысячи пятидесятого года, кто покинул движение добровольно и это не было связано с угрозой жизни.

Фемида замолчала. На экране появилось окно с надписью «Результаты допроса» и стали появляться зеленые галочки одна за другой. На уровне некоторых тестов, значения которых Ник не понимал и не запомнил название, галочки были желтыми и там высветился текст: «Есть комментарии».

Включился белый свет на потолке, Ника освободили от всех датчиков и повели по лабиринту коридоров к выходу в противоположной части здания.

– Куда теперь? – спросил Ник на выходе у сотрудника, который всё это время вел его по коридорам.

– Сначала – обязательный карантин. После оформления документов и получения разрешения – временное жильё для лиц с особым статусом «политического беженца».

Статус «политический беженец» казался Нику странным – он ведь просто хотел учиться. Парень решил не задавать лишних вопросов и делал все, что ему говорили. Через пару часов его привезли на территорию карантина за городом. Это было маленькое поселение за высоким забором с колючей проволокой. За забором открывалась ухоженная территория: аккуратные домики, административное здание с вывеской, асфальтированные дорожки между пышными газонами. Ника завели в здание администрации и подвели к стойке. Там сотрудница попросила посмотреть Ника в камеру и нахмурилась.

– Но тут только базовые данные... Никакой полной истории.

– Это беглец с анклава движения «Нондиджитал». Мы его на пару дней помещаем у вас, вот постановление, и должно было прийти такое же начальнику.

– Одну секунду.

Женщина включила микрофон возле уха и что-то тихо проговорила, через минуту вышел начальник, грузный мужчина в офисном костюме.

– Здра-а-авствуйте! – протянул начальник. – И кого это мы сегодня принимаем? О, да вы совсем юный!

– Здесь постановление на него. Пункт шесть читали? – начал сотрудник.

– Да, я ви-и-идел, – говорил начальник медленно, протяжно, почти пел, – По протоколу поселим отдельно от других резидентов Напоить – напо-о-оим, накормить – нако-о-ормим.

– Хорошо. Ник, – сотрудник обратился к парню, – Пару дней ты будешь здесь, потом мы тебя определим в другое место. Выходить за территорию пока нельзя. Выйдешь – нарушишь режим, помочь ничем не сможем.

– Я понял. Я лучше в комнату и спать, – вяло ответил Ник.

– Эт пра-а-авильно, – ответил начальник.

Все друг с другом попрощались, начальник вызвал помощницу и та отвела Ника в комнату. Только когда дверь закрылась за помощницей, Ник наконец расслабился, он стал медленно засыпать на ходу и раскладывал свои вещи в полусне и мало что понимая. Ещё через пару минут он, раздевшись до трусов, плюхнулся на мягкую кровать и уснул крепким сном.

Глава 5. Суд

На следующее утро, когда Анна спустилась в подвал проверить, как сын после вчерашнего разговора, она увидела открытое подвальное окно и под ним упавший стул с тремя ножками. Она бросилась на первый этаж и распахнула дверь спальни, где Вячеслав потягивался после недолгого сна. Увидев взволнованную жену, он сначала не понял причины, но взгляд Анны в сторону подвала всё объяснил.

– Ты помог ему? – строгим голосом спросила Анна.

– Что? О чём ты?

– Вчера ты сказал, что поддерживаешь его, если он соберется уйти. А сегодня его уже нет!

Вячеслав быстро оделся и спустился в подвал. Он увидел то же, что и Анна: открытое окно и опрокинутый стул. Когда он был внизу, услышал громкий хлопок дверью – это Анна побежала до охраны поселка, чтобы срочно начать искать сына. Вячеслав обошел весь подвал и обнаружил пропажу некоторых вещей. На лице его появилась легкая улыбка.

Через двадцать минут в дом приехала охрана поселка, равнодушные соседи и друзья Ника вместе с Мариной, с заплаканным с ночи лицом. Вячеслав изображал беспокойство и помогал охране разобраться, как Нику удалось уйти. Анна в это время сидела на кухне и смотрела в одну точку, не замечая происходящего.

В дом вошел старейшина Александр. Оценив ситуацию, он отвел Вячеслава на кухню к Анне, дождался выхода остальных и стал говорить полупрошепотом родителям мальчика:

– В поселке растет недовольство случившимся. Нарушен закон, Вячеслав, люди требуют, чтобы вы предстали перед судом движения и объяснили, как так случилось.

– То есть, вместо поисков я должен оправдываться перед людьми?

– Специальные люди уже отправились искать, Вячеслав.

По тону голоса отец Ника понял, что спорить бессмысленно. Но было ещё кое-что во взгляде старейшины, что Вячеслав понял, но не соглашался в своем сознании. Вместо строгости и праведного гнева о нарушенном правиле, в глубине глаз Александра читалось нечто, похожее на одобрение.

Через час в доме старейшины было собрание жителей. Собрались жители всех возрастов – от подростков до стариков. Родители Ника сидели перед всеми. Стояло перешептывание, по интонации которого ощущалось негодование. Вячеслав поднял глаза и посмотрел на толпу – ему ответили злобные взгляды. Откуда-то из глубины раздалось тихое «предатели».

В комнату вошел Александр и все стихло. Он занял позицию между собравшимися и родителями, символически разделяя их.

– Итак, – начал старейшина, – Мы все часть движения «Нондиджитал». У нашего движения есть свод законов и правил, и сегодня было нарушено одно из них. Цитирую правило из свода «особых правил для детей, родившихся после две тысячи пятидесятого года». – Александр взял в руки планшет и зачитал правило, – «В целях защиты от негативного влияния, сохранения нашей самобытности и обеспечения непрерывности нашего сообщества, детям, рожденным после две тысячи пятидесятого года, запрещено покидать территорию поселения на протяжении всей их жизни. Это правило является незыблемым и распространяется на все случаи, кроме случаев, связанных с прямой и непосредственной угрозой жизни и здоровью, когда эвакуация является единственным способом спасения.»

В дверях бесшумно возникла мрачная фигура судьи Евгения в черном камзоле и сапогах. Александр заметил его, продолжая говорить:

– Никола Бруновский, семнадцатилетний подросток, сбежал из дома и покинул наше поселение. Нашими охранниками и другими равнодушными людьми начаты поиски маль-

чика. Перед вами родители, каждый их знает, представлять не требуется. Эта встреча состоялась по инициативе некоторых жителей нашего поселка и я прошу озвучить ваши мысли.

– А что тут озвучивать, дядя Саша? – начал пятнадцатилетний подросток из сидевших позади, – Они сами ему помогли сбежать.

– Это не правда. Дверь была заперта снаружи, – начал Вячеслав.

– Да не оправдывайтесь, вы сами его выпустили, а потом дверь закрыли для вида.

– Нет-нет, – вступил другой молодой человек, – я был в доме! Там под окном в подвале стул с тремя ножками валялся и ещё куча какого-то мусора, видимо, для устойчивости. Он через окно вылез.

– Точно через окно, там под окном следы остались, – вступился третий.

– Хорошо, а куда он пошел в таком случае? – не унимался первый, – Вы верите в то, что подросток семнадцати лет, никогда не ходивший по «Лесному пути» и никогда не бывавший во внешнем мире, сможет самостоятельно до него добраться?

– Всем известно, что Никола довольно часто ходил в походы, – сказала Анна уверенным голосом, – Он мог уходить на очень большие расстояния вместе с ребятами. Вместе с тобой он ходил, – Анна повернулась к Грише, с которым Никола часто ходил в походы

– Вот видите! – торжествующе воскликнул пятнадцатилетний, – То есть, он ходил на большие расстояния, выносливый. Вот его бы энергию в нужное русло, а он... – и парень, тоном, будто ведет допрос преступников, спросил у родителей: – А почему вы позволяли ему уходить на большие расстояния?

По залу прокатилась волна перешептываний. Каждое слово наглого подростка будто раскалённой иглой вонзалось в Вячеслава, но он постарался сдерживать свой гнев.

– Старейшина Александр, нас, может, и обвиняют, но я не потерплю такого тона в свой адрес или адрес своей семьи.

Парень в ответ весело улыбнулся, довольный реакцией.

– А вы не прикрываетесь! Дядя Саша мужик, у него юбки нет.

– Дмитрий! – из глубины зала раздался громовой голос судьи Евгения и парень от испуга дернулся, привстал и обернулся.

– С каких пор старейшина стал для тебя «дядей Сашей»? А Вячеслав? Он уважаемый человек в поселении, что за неуважение?

– Простите... – промямлил Дима, сел и буквально сжался в кресле, будто пытаясь стать меньше

Евгений встал и медленно подошел к родителям Ника. Все сейчас же затихли и стали наблюдать. Евгений начал говорить:

– Никола, как я помню, стал единственным ребенком, общавшимся с пилотами упавшего шаттла. «Генезис» назывался корабль. Впоследствии мальчик часто приходил на место падения, искал там что-то и даже находил. Потом притаскивал это в дом и... Что было дальше, Вячеслав? Как вы объясняли ему, что это за предметы?

– Смотря что он мне приносил. Это могли быть части обшивки или микросхем.

– То есть вы подогревали тем самым интерес мальчика к тому, что он находил, верно?

В разговор вступила Анна:

– Может, он и объяснял, что на нас тогда упало и мальчик грезил другой жизнью, но я всегда говорила ему, что наша миссия – это развитие сельского хозяйства и восстановление природы после «Большой войны».

– И всё-таки, он сбежал, – ответил Евгений, – Очевидно, что один из вас скрывает правду. И я полагаю, это вы, Вячеслав.

– В чём вы меня обвиняете?

– Вы так и не ответили на мой вопрос.

– Я объяснял ему назначение той или иной детали, которую он находил. Но мои рассказы не ограничивались только этим. Вы осведомлены о том, что я работаю в городе.

– Да, я слышан. У вас был плачевный опыт работы на платформе труда и общения с полицией после ложного доноса на вас.

– Об этом сын тоже был в курсе. Никогда я не рассказывал ему однобоко, и всегда объяснял какие опасности там подстерегают.

– И всё-таки, – уже злее произнес Евгений, – Он сбежал.

Зал вновь наполнился гулким шёпотом. Вячеслав чувствовал, как сердце у него бешено колотилось, а по виску текла капля пота. Анна, сидевшая рядом, взяла его за руку. Она ощущала на себе тяжелые взгляды сидевших перед ней людей и решилась высказаться:

– Накануне побега сын за ужином признался в своих намерениях. Как и в день падения шаттла, я закрыла его в подвале, надеясь на то, что он успокоится. Утром я хотела в очередной раз объяснить ему цели нашего движения и почему мы так важны – и для государства, и для планеты. Но он сбежал. Сбежал, потому что ему семнадцать лет, он верит в свои мечты. – Анна замолчала, впервые задумавшись о справедливости правил, но тут же заговорила. – Кто из вас, подростком, не был с амбициями? Кто из вас не мечтал о чем-то большем? А если вам говорили родители «это опасно, не надо делать», всегда ли вы слушали? Или шли вопреки всему? Дай вам такое же правило, как у наших детей сегодня, стали бы вы теми, кем являетесь теперь?

От этих слов Вячеслав обернулся на свою жену, от которой звучала критика правила, которое ещё вчера она защищала.

– К чему вы? – спросил Евгений.

– К тому, что он просто запутался, и это нормально для подростка.

Снова полился шепот из которого раздался голос Евгения:

– Хорошо, он запутался. Но почему вы не направили его на правильный путь? У нас никто не стремится сбежать из поселения среди подростков его поколения. Чтобы покинуть поселение и дойти до ближайшего города, вы и без меня знаете, сколько нужно времени. Мы это расстояние преодолеваем на транспорте, а он отправился пешком. Дмитрий правильно сказал – без подготовки или чьей-либо помощи такой марш-бросок не под силу. Времени с его ухода прошло, – Евгений взглянул на часы, – почти одиннадцать часов. За это время при скорости в три-четыре километра в час по пересеченной местности можно пройти около двадцати – тридцати километров.

– Так может он никуда не уходил? – спросила одна из бабушек, сидевших на заднем ряду среди простых жителей. – Может прячется где-то в лесу и мы не там ищем?

– Мы рассматривали эту идею и подняли в небо несколько октокоптеров с датчиком поиска жизни. В радиусе пятнадцати километров никого не обнаружили, кроме диких зверей. Сейчас парни обследуют «Лесную тропу», ездят по ней и там тоже поднимают коптеры. В поселке мальчика нет, в ближайшей округе тоже нет. Значит он всё-таки ушёл. Подводя итог, Вячеслав и Анна, вы, как родители, хоть и объясняли ему цели нашего движения, не смогли стать для него авторитетом и направить на истинный путь. Более того, Вячеслав, вы подогревали интерес к внешнему миру, что не удивительно, когда вы там работаете. Всё это привело к тому, что сын ваш покинул поселение и тем самым нарушил закон. Из всего этого следует, что вы, дорогие мои, предатели нашего поселения.

– Знаете, – раздраженно ответил Вячеслав, – раз уж вы нас так оскорбили, то я позволю себе кое-что сказать. У нас тут не принято обсуждать законы, правила и так далее. Но то, что было принято в две тысячи пятьдесят пятом о наших, тогда еще пятилетних, детях, привело к тому, что случилось сегодня ночью. Как вы себе представляете жизнь этих ребят через двадцать лет? А через тридцать? Как? Как они, никогда не видевшие внешний мир и не общавшиеся с разными людьми из него, смогут взаимодействовать с ними. Ведь ради них мы тоже работаем, и ради государства. На что, скажите, пожалуйста, Евгений, направлено это правило

движения? Ведь в долгосрочной перспективе ребята останутся один на один с природой. И это не самое страшное, нет. Этим правилом движение отрезает будущие поколения «Нондиджитал» от государства. А вкупе с запретом на самоопределение за пределами поселений, может привести к очень печальным последствиям.

– Вячеслав, я напому вам, почему было принято такое правило. Задача, среди прочего, сохранить движение. Нельзя его сохранить, если абсолютно всем детям дать свободу выбора. Мир по ту сторону полон всяких соблазнов, и ни о какой сельской жизни молодые люди думать не будут. Им будет гораздо интереснее играть в игры и предаваться другим развлечениям, а не природу восстанавливать.

– Не только игры и развлечения, но наука, строительство городов и изучение космоса. Мир не такой узкий, каким вы его себе представляете. В конце концов, дайте хотя бы единицам возможность приходить в города и получать там образование. Ведь без этого будущие поколения застрянут в прошлом.

– Вячеслав, – перебил старейшина Александр, – Вопросы законов и правил, которые действуют в нашем и других поселениях «Нондиджитал», решаются на общих собраниях старейшин. Мы принимаем эти правила, опираясь на законы и конституцию страны, в которой находимся. Но конкретно для этого правила было сделано исключение.

– У нас есть устав, который подписан правительством, – перебил его Вячеслав, – и есть внутренние правила, которые противоречат уставу. И таким внутренним правилом «о детях» мы нарушили конституцию, где четко написано о свободе выбора каждого человека. Да посмотрите вы на них, что их ждет? Вам самим, – обратился Вячеслав к подросткам, – Никогда не было интересно, что происходит за холмами?

По взглядам ребят стало понятно, что было интересно, некоторые опустили головы и стали смотреть в пол. Вслух никто не признался. Кроме того, сочувствующие взгляды Вячеслав увидел у большинства взрослых, которые все время кивали на его слова.

– Вячеслав, не нужно этого, – спокойно ответил судья, – Достаточно вашего сына, которого вы отпустили. Не оправдывайтесь, – судья поднял руку, когда Вячеслав хотел его перебить, – Вы всегда сочувствовали ему в этом вопросе.

После недолгой паузы Вячеслав, помассировав колено, спросил:

– И что теперь? Выгоните нас с Аней, чтобы мы всей семьей покинули движение?

– Никто вас выгонять не собирается, Вячеслав, – ответил Евгений, – Вы тут прописаны, земля вами куплена. Вас никто не имеет право выселять отсюда. Но в рамках общины вам будет вынесено предупреждение и разного рода ограничения.

– Детей ограничиваете, взрослых ограничиваете...

– Вячеслав, вы можете продать землю и самостоятельно покинуть анклав. Жить так, как посчитаете нужным со своей семьей. Но здесь мы все живем в рамках общины. В рамках одного организованного движения. У нас есть правила, и я не могу закрыть глаза на произошедшее.

– Люди, – раздался женский голос из зала, – Может ли Ник просто уйти в поход? И весь сыр-бор сейчас попросту неуместен, наговорим всяких гадостей друг другу и рассоримся.

– Да, давайте будем благоразумными, – ответила другая женщина, лет пятидесяти, со светлыми кудрявыми волосами, – Я согласна с мнением Вячеслава, что наших детей ограничивают со всех сторон. Я не против движения и попыток старейшин сохранить его в первоначальном виде, но детки-то растут.

– У меня дочь постоянно спрашивает о мире по ту сторону, – ответил ей один из мужчин.

– У нас тоже, пару раз был разговор, – сказала ещё одна женщина, – Что хотели бы пойти учиться в город, потому что очень интересно местные учителя рассказывают, а им только землю пахать пророчат и в старых роботах копать, которых мы из города привозим.

– А кто восстанавливать природу будет? – начал спорить мужчина лет шестидесяти, – Просто так государство наше движение создало? Вы забыли, какими трудами пришлось восста-

навливать леса и поля на Урале? А в центральной части страны, помните, как там тяжело было? Но за всем этим нужно ухаживать, леса нужно чистить, нужно помечать опасные и радиоактивные зоны. Кому-то этим нужно будет заниматься. Кому-то нужно будет сохранить это всё.

– В конце концов, правила есть правила, – поддержала его другая женщина, – Мой наоборот говорит, что ему тут всё нравится, и он не хочет никуда уезжать. Насмотрелся всяких видео из внешнего мира, и что-то ему расхотелось. И живет мой в рамках этих правил вполне хорошо и его все устраивает. И что-то он не бежит никуда! А куда бежать? В городах после войны столько химикатов повсюду, а здесь чистая природа!

Между людьми начался жаркий спор: одни защищали правила движения, другие заявляли о том, что их дети могут иметь свое мнение и мечты. Старейшина Александр сразу попросил подростков покинуть зал и те, с недовольными лицами, вышли из дома. Тем временем Евгений приблизился к родителям, сохраняя дистанцию, и слушал, о чем говорят люди. В этом гомоне к нему очень тихо обратился Вячеслав:

– Евгений, у вас ведь дочь родилась в две тысячи сорок восьмом и сейчас она в Екатеринбурге. Вы её уговаривали остаться в поселении?

– Да, уговаривал, но она меня не послушала. Вообще считала движение «колхозниками» и пыталась как можно скорее удрать. – Евгений опустил глаза и потер виски, прежде чем добавить с горечью, – Ей шестнадцать было, когда она в «Центр образования среднего профессионального звена» поступила, и так ни разу и не приехала.

– Почему нельзя сделать исключений для тех, кто реально горит образованием?

– Да потому что у нас... Во-первых, правила такие, чтобы мы удерживали ребят здесь. Это и для их здоровья полезно, и движение сохраняет. Во-вторых, не все из них честны с нами. Мы им открываем доступ в интернет на короткий промежуток времени, а потом смотрим историю поиска, а там одна похоть или игры. И никакого образования. Понимаете, реально хотят учиться единицы. Я вам больше скажу, Вячеслав, я верю вашему сыну, что он действительно захотел учиться. Но большинство побегов будут совершаться не ради знаний. И если сейчас дать другим возможность выбирать – они разбегутся.

– Так что же получается, сейчас идет показательная порка, чтобы другим неповадно было?

Евгений поднял глаза на спорящих между собой людей и тяжело вздохнул.

– Посмотрите, Вячеслав, что вы наделали. Вы углубили раскол среди людей, сидящих в этом зале. Они понесут свои мнения дальше по поселку и случится ещё один побег. Или два, или три.

– Евгений, это бы и без Ника случилось. Чем думали в день принятия такого правила? Ну серьезно, наши дети смотрят на нас, людей свободного выбора, а им такого выбора не даем.

– Можно долго рассуждать, но в конечном итоге такие побеги ни к чему хорошему не приведут. Тут вот Олег Степанович верно сказал – наше движение создано государством. И строго настроено государство приказало движение сохранить, потому что сельское хозяйство в упадке, леса погибли, реки загрязнены. И нужны те люди, которые будут в самых отдаленных уголках необъятной жить и работать, восстанавливать все.

– Государство же нас поддерживает, присылает сюда людей. Редко, но все же... В чем проблема?

– В том, что новые люди приносят изменения, которые иногда портят жизнь поселению и разрушают устои. Потому что не все, кого сюда присылают, горят идеями движения. Некоторые используют эту возможность для своих собственных, иногда шкурных интересов. Никто не против новых людей, но должны быть те, кто станет костяком движения и будет сохранять внутренние правила и устои – а это дети, которые родились и выросли в поселке, в условиях, которые тут. На них лежит задача сохранить первоначальные устои, прописанные правитель-

ством и старейшинами движения, сохранения всего того, что было создано с таким невероятным трудом.

– Регулировать этот вопрос можно другими способами, не нарушая закон и не ограничивая родившихся здесь в правах. А сейчас получается, что поселения для них как... тюрьма. И я не могу принять этого, потому что это не правильно.

– Вячеслав, если бы вы сейчас это сказали громко, то не оставили бы мне выбора на строгое наказание, вплоть до тюрьмы. – и Евгений рассмеялся. – Учителя на вашего сына однажды пожаловались мне, когда он тоже сказал, что поселок для него как тюрьма.

– Что? Как же так..., – произнесла Анна с дрожью в голосе, – Но почему вы нам ничего не сказали?

– Да потому что он в чем-то прав. И он, и вы, Вячеслав. Ваши слова содержат рациональное зерно, но как судья движения я всё равно должен буду наложить на вас ограничения.

Евгений встал и все затихли. Александр, говоривший с мужчинами на задних рядах, прекратил разговор и направился к родителям Ника.

– Правила едины для всех, они были нарушены. За совершенное деяние родители Николы приговариваются к следующим ограничениям: к лишениям льгот и привилегий в поселении на один год и ограничению права голоса на общих собраниях сроком на один год. Кроме того, семья Бруновских подвергается общественному порицанию.

Глава 6. Ожидание

Ник жил в «карантинной зоне» уже третий день. Несмотря на жгучее любопытство, парень соблюдал правила и не покидал комнату. Через окно он наблюдал за тем, как в «карантинную зону» привозили маргиналов или бродяг в сопровождении полиции. Хотя к нему относились доброжелательно, общая атмосфера центра была напряжённой: в коридоре пару раз Ник слышал шум драки и женских криков, а потом стрекот электрошокеров и ругань начальника.

Сильно отличалась еда. Как и предупреждал отец, еда имела странный пластиковый привкус, и такое же пластиковое послевкусие. Несколько раз ему приносили гидрогелевые матовые шарики и объяснили, что надо залить их водой. Ник сделал это и увидел, как шарики вступили в реакцию с водой, зашипели, и растеклись в горячий наваристый куриный бульон с кусочками курицы. Однако на самом деле это была ни курица и не куриный бульон, а «бактериальные чернила и дрожжи» со вкусовыми добавками, которые обманывали рецепторы. С такой еды Ника вначале мутило, но потом он привык и стал есть с аппетитом.

Ещё с первого дня сотрудники «карантинной зоны», которые относились очень доброжелательно и приносили еду в комнату три раза в день, научили парня подключаться к интернету, и Ник нашел себе занятие на целые дни. Первым делом он попытался войти в соцсеть «Евразия». Как оказалось, сделать это можно было только после входа в учетную запись через ключ от «Госсистемы», которого у Ника не было. Уже имея опыт владения интернетом, Ник через поисковик ввел фамилию, имя и отчество своего отца и город Первоуральск. В первых строках ему выдалась страница из социальной сети, по которой Ник перешел, но написать отцу по прежнему не мог. И тут Ник на секунду задумался: а почему надо делать все через соцсеть, а не по спутниковой телефонии? Ответ парень получил сразу, как только попытался позвонить отцу – искусственный голос системы сообщил ему, что «пользователь звонящего устройства и само устройство не зарегистрированы». Когда через несколько часов Нику принесли еду, он попросил разносчика написать его отцу, что сын в Екатеринбурге, добрался и с ним все в порядке. К удивлению парня, разносчик охотно согласился и сразу же отправил сообщение. После он рассказал, что есть мессенджер «Тога», для которого не нужен ключ «Госсистемы», и установил его на смартфон парня. Ник зарегистрировался в «Тоге» и разносчик прислал его отцу имя пользователя.

После парень решил узнать про поселение «Северный Урал» и движение «NONDigital». После часа поисков Ник сделал неожиданное открытие. «Расширенный доступ в интернет в «Северном Урале» был фикцией. Доступ якобы во внешний интернет на деле перенаправлял на локальную базу данных движения. Страницы сайтов копировались полностью, но в них был не оригинальный контент, а то, что находилось внутри энциклопедии. Так создавалась иллюзия полноценного интернета, в которой Ник провел большую часть времени.

По запросу «Северный Урал» Ник нашел «знакомые» статьи о падении «Генезиса» и перешел туда. Он увидел много незнакомых фотографий упавшего корабля и убедился, что в поселении ему показывались только некоторые. Потом он стал рассматривать видео и фото с места падения, нашел снимки с воздуха и внимание его переключилось на посёлок. Он нашел свой дом, нашел дома друзей. С высоты птичьего полета посёлок выглядел крошечным, совсем не таким просторным, каким запомнился. Тут же Ник нашел даты и понял, что именно в указанный день, в указанный час, когда была сделана эта фотография, он, тогда еще маленький мальчик, сидел в подвале вот в этом малюсеньком доме и мечтал о том, что когда-нибудь окажется во внешнем мире. Ещё через несколько часов изучения истории с «Генезисом» он вдруг нашел видео падения шаттла, записанное с борта корабля. У Ника заколотилось сердце, когда он нажимал кнопку просмотра.

Камера располагалась у лобового стекла и снимала по ходу движения. В начале было видно только небо. Звучали переговоры командира Азиза, первого пилота Алекса и голос второго пилота. Потом хлопок, заверещали сирены. Нос корабля стал опускаться и Ник разглядел внизу Уральские горы. Переговоры с диспетчером, спор в кабине, истерика второго пилота, неумолимое приближение земли. Спустя несколько секунд корабль резко изменил траекторию и за холмом Ник увидел поселок. Сердце парня заколотилось ещё сильнее, когда он разглядел поле, с которого убегали ребята, и только один мальчик оставался на нём – маленький Никола. Разглядеть свое лицо Ник не смог из-за плохого качества съемки, а у самой земли нос корабля чуть приподнялся и поле исчезло из виду. Удар. Шаттл быстро затормозил на поле и видео прервалось. Пальцы Ника потянулись к старому шраму на виске.

Следующий день прошел в монотонном изучении информации, Ник сидел в интернете и читал «Новую энциклопедию Евразии». В середине третьего дня в дверь постучали, затем без ожидания вошли сотрудники органов опеки вместе с полицией.

Ника отвезли в гостиницу, расположенную неподалеку от комплекса небоскребов «Высоцкий». Как ему объяснили, это был центр для политических беженцев. Отдых ему не позволили и через час повезли в Министерство образования. Здесь сотрудники решили его проверить на уровень знаний и предложили пройти сначала самые простые тесты. Ник узнал задания, похожие на те, что решал в школе, в которой учился в «Северном Урале». Экзамен назывался «ЕЭЦО. Начальный уровень». Результат был отличным и Нику дали задания посложнее, где был «Основной общий уровень». Тут Ник уже потратил три часа на ответы и решения по двум предметам. Сотрудница сообщила: по русскому и математике у него отличные результаты уровня девятого класса.

– Так как вам почти восемнадцать, – продолжила она, – по возрасту вы бы сейчас заканчивали «Средний общий уровень», что соответствует одиннадцатилетнему школьному курсу. Куда вы планируете поступать, в какой Центр образования?

– Я... Я не знаю, – замешкался Ник, – Я бы хотел что-нибудь связанное с космосом.

Женщина ухмыльнулась и ответила:

– Туда только сливки общества попадают, здоровье должно быть отменным, уровень знаний. Вам нужно ЕЭЦО сдать за средний общий уровень по трем предметам. Усложненные русский, математика и объединенный предмет: «физика и теория космоса». Я бы, конечно, вас не допустила. Обычно на подготовку уходят месяцы, но вам дается всего неделя. Ребята потом несколько лет поступают, проваливая одну попытку за другой.

– Я всё равно хочу попробовать.

– Пробуйте, – пренебрежительно ответила женщина.

Ника вернули в гостиницу вместе с файлами для подготовки, сотрудники службы опеки выдали ему планшет. Срок для подготовки была неделя, ещё три дня давалось на сами экзамены, проверка планировалась в дни их проведения. За время жизни в поселении «Северный Урал» и сёрфинга там в интернете парень изучил много научной литературы и прошел почти весь школьный курс по многим предметам. Тяга к знаниям была огромной, и он чувствовал, как много на самом деле выучил за последние годы. Однако, тренировочные тесты «Среднего общего уровня» показались парню слишком сложными, а вопросы для письменных ответов по физике и теории космоса вообще ввели в ступор. За неделю Ник кое-как освоил базовые принципы на решение тестовой части, в практической части по физике он давал правильный результат, но его решения не всегда совпадали с решениями в ответах. Впервые за все время он по-настоящему распереживался.

Через неделю Ник вновь приехал в Министерство образования. За усложненный русский он переживал меньше всего, но все равно его немного потряхивало перед самым экзаменом, и сердце колотилось от ожидания неизвестности во время проверки. За усложненный русский он получил отлично. В другой день была математика, и Ник так сосредоточенно решал задания

одно за другим, что словил себя на мысли о том, что практически не волновался. Оценка была отлично, и женщина на проверке уже не ехидничала. Впереди был экзамен по «физике и теории космоса».

Ночью перед эти экзаменом Ник не мог уснуть и скорее дремал, нежели полноценно спал. Утром встал с кровати с больной тяжелой головой. В Министерстве образования Ника удивило то, что на этот раз вместо женщины в кабинете с ним сидел полноватый мужчина пятидесяти лет в круглых очках, которого все звали Саймэк. Саймэк выдал задания и сел в дальний угол, наблюдая за тем, как Ник решает экзамен. Тестовая часть тут была крошечной, а весь упор делался на задачи. В моменте Ник перестал переживать, начав решать проблемы по мере их поступления. И всё равно на его лбу выступили капли пота, а сам парень очень устал за три часа экзамена. Когда Ник закончил – отдал работу Саймэку. Тот просканировал ответы через приложение и ему выдало результат, который Ник не увидел. Мужчина молча просмотрел все ответы самостоятельно, потом взглянул на парня через круглые очки. Ник смотрел в ответ и почти не дышал, ожидая результата. Сердце его колотилось и он нервно сглотнул. Саймэк молча развернул планшет, где ярко горела цифра 97.

– У вас «отлично», молодой человек.

– Что теперь? Я смогу поступить куда-нибудь?

– Безусловно, с такими результатами хоть куда, на самом деле. Но скажите мне, откуда вы всё это знаете? Вы же из движения «Нондиджитал», вы восстанавливаете природу и сельское хозяйство, и о физике там не рассказывают. Я знаю, что раньше дети приходили оттуда и уровень образования был, скажем так, хорошим, но ниже среднего. А в последнее время дети оттуда вообще перестали приходить в колледжи и университеты. И вдруг вы. Сдали на «отлично» два экзамена «общего звена», три усложненных экзамена «среднего общего» на «отлично». Откуда такие знания?

– Я сам учился.

– Да-а-а, – вдохновенно ответил Саймэк, – Вот это я понимаю «тяга к знаниям».

Дверь открылась, и в кабинет вошел важный чиновник Министерства, мужчина лет сорока в черном костюме и с портфелем. Размеренно подошел к ним и за руку поздоровался с Саймэком.

– Вот, – показал ему Саймэк планшет, – Отличный уровень.

Мужчина взял планшет в руки, потом взглянул на Ника и снова в планшет.

– Вы ему помогали?

– Что вы, Николай Николаевич, он сам всё.

Николай Николаевич ещё раз посмотрел на Ника и потом снова в планшет. И не поднимая больше глаз сказал парню:

– Николай Вячеславович, подождите в коридоре, пожалуйста.

Ник повиновался и вышел из кабинета, сев на скамейку в коридоре. Там на стенах висели портреты видных деятелей в образовании, а в конце висела огромная фотография во всю стену ученого Горохова – создателя революционного космического двигателя.

В кабинете Николай Николаевич сел за стол и продолжал смотреть в планшет, потом отложил его в сторону и предложил Саймэку сесть напротив, что тот и сделал.

– Как вы считаете, – начал Николай Николаевич, – какие реальные шансы у него попасть к вам в ЦОКС?

– Единые экзамены он сдал. Есть поправки, замечания, но в целом у него прекрасный уровень.

– Вы бы рекомендовали его к поступлению?

– Конечно.

Николай Николаевич покивал головой и вдруг ответил:

– А я считаю, что не нужно.

– Но как же, оставить мальчика без образования? Он ради этого семьдесят километров прошел...

– Он представитель того движения, у которого есть четкие цели и задачи. Это первое. Второе, ЦОКС – это место, где учится элита. Вы его видели? Какая он элита? Деревеньщина, да и только.

– Может он и жил всю жизнь в деревне – это не ограничивает его в правах получить образование там, где ему по силам, и где он достоин обучаться по результатам экзаменов, Николай Николаевич, – настойчиво произнес Саймэк.

– Хорошо, я объясню вам кое-что. Мальчик сбежал из поселения, внутренние правила которого запрещают детям покидать резервации на протяжении всей жизни для сохранения изначальных устоев и других важных для «Нондиджитала» вещей.

– Это же нарушение прав.

– Да что вы со своими правами... Ой... Вот поэтому и не хотят его принимать, тем более в ЦОКС, который курируют ведущие медиакорпорации, каждый наш студент – на виду. Это огромная ответственность, огромный статус. И вдруг мальчик, который даже внешне от всех отличается. И если кто-нибудь узнает о том, что он сбежал из движения «Нондиджитал» из-за некорректных правил и ограничений прав, случится общественный резонанс. Принять этого ребенка – значит признать, что с движением что-то не так. Министерство образования не хочет брать на себя такую ответственность.

– А министерство формально можете взять такую ответственность?

– В нашей власти обратиться в конституционный суд, и тогда движение начнут трясти. За этим движением стоят очень сильные люди. Ни с ними, ни с самими поселениями мы не хотим ссориться, потому что они реально очень нужны. Если начнем что-то – это может привести к непредсказуемым последствиям, в том числе к обвинениям во «вмешательстве» или «нападении». То есть, мальчика примем – признаем проблемы в движении, придется инициировать проверку под давлением общественности – получим проблемы сверху.

– Николай Николаевич. Я понимаю ваши опасения, но мы говорим о судьбе ребенка. Куда он тогда пойдет, если не в ЦОКС? Или вы вообще вернете его обратно?

– Вернуть обратно мы его не можем, пока он не достигнет совершеннолетия.

– А потом его на улицу выгонят, талантливого ребенка? Это противоречит принципам равных возможностей. Да, есть риск общественного резонанса, но это не повод лишать такого ребенка раскрыть свой потенциал. ЦОКС – это элита, которую формируем мы сами. А если вы имеете в виду социальный рейтинг А+, для потомственных академиков и детей элиты, то сами знаете, что за редким исключением мы можем закрыть глаза на это, если Совет ЦОКС проголосует. Он может получить знания и принести пользу стране, и мы не должны закрывать перед ним двери. Его талант в математике и физике может принести огромную пользу. Нам нужны такие люди, чтобы двигать науку и технологии вперед. Да, он отличается от других, но разве это плохо? Если мы сумеем правильно интегрировать его в ЦОКС, это будет огромный плюс для всех. Мы можем показать, что способны работать с разными людьми и раскрывать их потенциал.

– Саймэк, не существует четкого механизма для приема в ЦОКС ребенка из сообщества, которое самовольно ограничивает свободу своих членов. Это требует дополнительных усилий, согласований и принятия нестандартных решений.

– Николай Николаевич, конституция гарантирует каждому право на образование, независимо от его происхождения и обстоятельств. Отказ в приеме Ника будет прямым нарушением закона, и я не готов участвовать в этом. Если вы считаете, что существуют какие-то риски, мы можем обсудить, как их минимизировать, но мы не должны нарушать закон. Я готов обратиться в прокуратуру или другие органы, если вы будете настаивать на своем решении.

– Саймэк, в ЦОКСе слишком большое давление, слишком много внимания. Николе и без этого будет страшно тяжело адаптироваться, а тут учеба в таком месте. Я предлагаю другой вариант. Мы возьмем его, но в менее престижный центр образования, где ему будет легче. Он получит образование без лишнего внимания и стресса. Как вам такой вариант?

Ник тем временем уснул, сидя на скамейке в коридоре министерства, и не заметил, как ему пиликнуло сообщение из «Тоги», где впервые за все время ответил отец. Мальчика разбудил Саймэк.

– Никола, Никола, Ник, – Саймэк аккуратно прикоснулся к плечу парня, – Просыпайся, космонавт, тебя ждут важные дела.

– Что? – сонно пробормотал Ник.

– Тебе нужно готовиться к поступлению в «Центр образования космических связей». Посмотрим, в наш филиал или в Томске. Но надо готовиться. Как у тебя с физическими данными?

– Я в походы ходил по сорок километров за сутки...

– Нормально, но нужно будет сдать нормативы. И ещё, Ник, тебе нужно создать учетную запись в «Госсистеме», иначе мы не сможем тебя даже рассмотреть к поступлению. Я жду тебя завтра в десять утра в здании ЦОКСа в Новом Академическом, вот адрес. Доедешь на метро, третья линия, станция называется «Улица академика Горохова», выход шесть самый ближайший. На проходной попроси позвонить секретарю Елене Анатольевне. Я предупрежу охрану и саму Елену Анатольевну. Поможем тебе с «Госсистемой» и расскажем, какие вступительные испытания будут.

– А я, ну, у меня нет свободного выхода.

– Точно, тебя же сотрудники опеки возят. Тогда проще сделаем – я им сам сейчас все передам.

Осознал произошедшее Ник только в гостинице, а увидев сообщение от отца обрадовался вдвойне. Он тут же написал огромное сообщение и рассказал ему обо всем, что случилось с ним за последние недели.

На следующее утро Ника привезли к огромному корпусу ЦОКСа. Нику здание показалось круглым, но кое-что особенно привлекло его внимание. Вдоль стен тянулись огромные треугольные накладки. Они начинались у земли, затем плавно изгибались и почти сходились высоко над зданием, создавая ощущение, будто взлетает невидимая ракета, а накладки – это пламя и дым от её двигателей. Концы треугольных накладок были черного цвета.

Ник с сотрудниками опеки зашел на проходную. Тут уже ждала молодая женщина, которая представилась Еленой Анатольевной, и велела Нику идти с ней. Охранник открыл маленькие ворота и пропустил мальчика внутрь, сотрудники опеки остались ждать снаружи.

Выйдя из проходной к корпусу Ник во все глаза разглядывал необычную для него архитектуру. Елена Анатольевна рассмеялась:

– Впервые видите такое здание?

– Да почему, видел, просто они все однотипные, а тут что-то необычное, – искренне ответил парень.

– Да. Это здание печатали почти три месяца вместо двух недель, а внутренние коммуникации прокладывали четыре года. Самое технологичное здание Екатеринбурга, этого требует специфика отрасли.

– Как по мне, выглядит красиво.

– Это вы еще вечером его не видели, когда подсветка горит и голографическая ракета висит в воздухе, как настоящая.

– А что за черные наконечники?

– Это всё антенны. Наш «Центр образования» – один из многих центров космической связи. Там дальше по улице, вы немного не доехали, стоит радиочастотный центр, который пользуется нашими антеннами.

Внутри здания парня встретил громадный десятиэтажный холл. С потолка до уровня третьего этажа тянулись тонкие золотые цепи, на которых висели планеты, спутники, шаттлы, ракеты и орбитальные станции. На каждом этаже холл опоясывал балкон, а внизу с первого на второй этаж вела лестница, которая венчалась большим барельефом на стене. Перед этим всем Ник увидел очередные ворота с камерами. Елена Анатольевна посмотрела в одну из таких, ворота перед ней открылись и она зашла внутрь.

– Молодого человека пропустите, – сказала женщина охране, – Он к Саймэку.

Охрана открыла перед парнем ворота и Ник зашел внутрь.

– Какое тут все... Огромное... Оно размером с целый наш поселок, наверное... – восхищался Ник, пока Елена Анатольевна вела его к Саймэку.

– Это не самый большой «Центр образования», но и не самый маленький. Мы третьи, после Москвы и Казани.

– Там тоже на космонавтов учат?

– На космонавтов учат у нас, в Томске, в Москве, в Казани..., вы все ими будете, если поступите и дойдете до конца.

– Странно, Саймэк... Как его по отчеству?

– Просто Саймэк. У него нет отчества, у него родители из Европы.

– А это влияет?

– По документам отчества у него нет. Вы что-то хотели спросить, – Елена Анатольевна улыбнулась.

– А, да, просто Саймэк говорил, что меня могут либо сюда принять, либо в Томск. А почему не в Казань или Москву?

– В Казани «Центр образования космических технологий будущего», там разрабатывают и тестируют десятки технологий, которые потом используются на орбите, Луне и Марсе. В Москве «Международный центр образования космических программ», там готовят пилотов, исследователей, инженеров, недавно открыли направления по подготовке к освоению дальнего космоса. А Екатеринбург и Томск – «Центр образования космических связей». У нас основная цель – это обеспечить бесперебойную связь, логистику и транспорт. Поэтому у нас учатся связисты-радиоинженеры, космологи и пилоты. Это три основных столпа нашего центра. Есть еще множество разных специальностей, но эти главные.

Елена Анатольевна повела Ника по коридорам, стены которых были отделаны из белого матового стекла, на некоторых проецировались расписания и названия направлений подготовки. Елена Анатольевна подвела парня к одной из дверей и прикоснулась. За дверью пикинул сигнал, и после слова Саймэка «Войдите» щелкнул замок и женщина толкнула дверь. Ник зашел вслед за женщиной. Кабинет был огромным, как и все в этом здании. Здесь по центру стоял длинный стол, у дальнего конца которого, рядом с большим медиаэкраном, сидел Саймэк. Стены были такими же белыми с матовым стеклом, но на некоторых плитках Ник разглядел ручки и тени от вещей, стоявших за дверцами.

– Николай Бруновский. Проходите, присаживайтесь. Елена Анатольевна, надо ему учетную запись подготовить в «Госсистеме». Но прежде, молодой человек, я расскажу вам о предстоящих испытаниях. Я договорился, баллы засчитают те, что вы получили во время экзаменов в Министерстве. Но будет ещё несколько: внутренний на интеллект и один на физические нормативы. Потом летные тесты и тесты по нестандартному решению задач в экстренных условиях. Хочу сказать сразу, что многие ребята делают попытки поступить не год и не два. Но если вы пройдёте, то опередите триста человек, претендующих на это место. Сейчас середина июня, в конце месяца начнутся первые этапы.

– Лётные тесты? Но я же никогда не летал.

– Не волнуйтесь. Вы будете в симуляторе, и программа будет упрощённой. Ваша задача – долететь до указанной зоны, ориентируясь только на звуковые или световые сигналы. Кроме того, мы поможем вам подготовиться к испытаниям.

Ник кивнул и задумался.

– Елена Анатольевна, – продолжил Саймэк, – Сделайте молодому человеку учетную, пожалуйста.

Глава 7. «Он оставил – я забрал»

Марина вместе с остальными работала в поле. Робот, за которым она следила, всё чаще пропускал сорняки и срезал вместо них свежие ростки. В конце концов девушка остановила его и крикнула механику, который неподалеку чинил такого же, чтобы он подошел к ней. Механик окликнул Тарика, восемнадцатилетнего парня в замасленном рабочем полукомбинезоне.

– Привет, соседка. Степан Михалыч занят, давай я посмотрю. Тоже посевы режет?

– Режет.

Тарик сел на землю, достал отвертку и вмиг раскрутил все болты. Сняв крышку, он долго изучал механизм, проверяя детали одну за другой. Потом он перевел свой взгляд на Марину, которая стояла рядом. Она смотрела в сторону, в глазах стояла тоска, ветер трепал её волосы. Марина тоже была в рабочем комбинезоне, который сидел на ней тесно, подчеркивая стройную фигуру. Девушка взглянула на Тарика.

– Ты чинишь, нет? – спокойно спросила она. Тарик отвернулся, отверткой залез в механизм, что-то подкрутил и закрыл крышку. Закрутив её обратно, он включил робота и встал.

– Всё, работает.

Марина достала панель управления, нажала кнопку, и робот тронулся, теперь аккуратно удаляя сорняки и не трогая культурные ростки.

– И что это было? – спросила Марина.

– Там ножи смещаются, из-за этого он целится правильно, но неправильно режет. Как бы промахивается.

– Поняла, спасибо, – и Марина пошла дальше за роботом, Тарик пошел с ними.

– Хочешь вечером прогуляться?

– Я и так весь день на ногах.

– Ну работа работой, а отдохнуть тоже надо.

– Тарик, отстань, – недовольно ответила девушка, – Я не хочу с тобой гулять. И не только с тобой.

– Всё из-за Ни? – парень улыбнулся. Он заметил, как Марина на секунду плотно сжала губы.

– Ты специально рану мне теребишь?

– Так а чё, он же не единственный парень в поселении.

– Для меня единственный.

– Оп-па-па. То есть мы, по-твоему, не мужики?

– Что ты привязался ко мне?

– А если он не вернется, что тогда? Всю жизнь одна будешь?

Марина ничего не ответила и просто шла за роботом, пропуская редкие сорняки, какие робот уже снова перестал резать. Тарик шел рядом и смотрел то на Марину, то на других людей по сторонам. Несмотря на разговор, он внимательно следил за тем, не остановился ли где другой робот и не понадобится ли кому помощь.

– Я могу тебе все дать, – продолжал Тарик.

– Что?

– Дом построить, семью, детей вырастить...

– Ого, куда ты полетел, – усмехнулась Марина и ответила с иронией, – Мне с тобой даже поговорить не о чем, ты спишь и видишь своих роботов.

– А Ник спал и видел, как бы в космос удрать. И теперь он непонятно где и непонятно как, а я тут.

– Действительно, мы тут, в поле копаемся. А Ник дошел до Екатеринбурга, экзамены сдал, поступать будет в Центр образования космических связей.

От этих слов Тарик замедлился и потом остановился с хмурым лицом.

– Он реально дошел?

– Да.

– И как?

– Ногами.

– Да понятно, я про жизнь там, как же там вообще?

– Ему все нравится, – ответила Марина.

– Ну вот! – Тарик подбежал к Марине и снова пошел рядом, – Видишь! Он теперь точно не вернется. Или ты ждешь, что он тебя заберет?

– Тарик, отстань от меня уже!

Раньше Тарик лишь украдкой поглядывал на Марину, но после её слов о Нике решил действовать настойчивее. Марина ему очень нравилась и он втайне мечтал влюбить ее в себя. Пока рядом был Ник, девушка все время проводила с ним время. Бороться с ним было бессмысленно, потому что весь поселок уже был уверен, что Ник и Марина поженились в скором времени. Но Ник сбежал, и для Тарика дорога была открытой, оставалось только добиться признания девушки. Увы, Марина оставалась верна своему чувству и ни разу не взглянула на соседа как на мужчину, с которым бы хотела иметь семью. Для неё семья означала только одно – быть с человеком, которого она любит, знает до глубины души и безоговорочно доверяет. Таким был Ник, но не Тарик, у которого уже были отношения в поселении и закончились они неудачно. Сосед не унимался и стал подкарауливать Марину после работы в поле. Каждый вечер он провожал ее, и каждый вечер ее поход домой сопровождался неловким молчанием. Говорить было не о чем, а остальные разговоры были бессмысленными.

Поздно вечером одного дня случилось событие, которое предоставило парню шанс проявить себя перед девушкой. В поселок уже давно не заходили волки, но недавно нашли загрызенную собаку и молодую овцу – рядом в грязи отпечатались волчьи следы. С этого момента коптеры в автоматическом режиме патрулировали округу с тепловизорами, а у каждого жителя всегда работала тревожная кнопка в смартфоне, действующая через локальную сеть поселения. Марина и Тарик возвращались домой в тишине и благодаря этому парень услышал копошение в кустах. Он подошел ближе и тут же выругался.

– Марина, к кустам спиной не вертись. Медленно отходи назад.

– Чего?

– Тут волки, Марин.

Из-за кустов показалась волчья морда и Марина прерывисто задышала. Она вместе с Тариком стала отходить спиной назад, наблюдая за волком – Тарик был впереди и прикрывал собой Марину. В это же время из кустов выпрыгнул второй волк и теперь оба волка стали обходить ребят. Где-то вдалеке послышались крики «Волки!». Тарик отвел руку назад коснулся Марины, повернув ее так, чтобы она лицом смотрела на обоих волков. В конце улицы замигал квадрокоптер, за ним еще один. Из кустов выпрыгнул третий волк и тоже стал обходить ребят, но уже с другой стороны, когда Тарик и Марина почти дошли до забора. В конце концов девушка прислонилась к нему, Тарик стоял перед ней и прикрывал её. Он нащупал под ногами увесистую палку и, не отводя глаз от волков, поднял её. Три волка уже не могли обойти и стояли полукругом, готовые к нападению. Один из них был крупнее, лохматым, с откушенным ухом. Он угрожающе зарычал и Тарик поднял палку над головой, изображая из себя медведя и рыча в ответ. Марина дрожала, сжав кулаки, сердце ее колотилось. В это мгновение подлетел квадрокоптер и включил мощный прожектор. Волки испугались света и дернулись в сторону темноты, но не убежали. Подлетел второй коптер и включил ультразвук. Волки задергались и, словно по команде, дернулись прочь. Когда они исчезли из виду, Тарик опустил палку, обернулся к Марине и обнял ее. Тут же прибежали другие жители, которые шли домой, видели

эту сцену издалека и нажали тревожную кнопку. Они хвалили Тарика и успокаивали Марину, которую все еще пробивала дрожь.

После этого случая Марина стала относиться к Тарику мягче, девушка была признательна соседу за то, что он защищал ее в момент нападения волков. Тарик воспринял это потепление как возможность и стал еще более настойчивым. Он провожал Марину утром, провожал вечером. Жители посёлка всё чаще видели их вместе и втихомолку поговаривали, что теперь Марина наконец-то одумается и выберет «нормального парня». Так у Марины появилась привычка постоянно быть с ним по дороге с работы или на работу. Потом, если девушка хотела пойти гулять и Тарик был свободен, он шел с ней под предлогом «вдруг волки». Марина не отказывалась, но всё же старалась выйти из дома в тот момент, когда соседа рядом не было. Так прошел месяц, через который Тарик предложил Марине стать парой. Марина ответила «нет». Стояла середина июля, а от Ника не было ни слова – как раз в это время должны были объявить результаты поступления. В тайне Марина надеялась, что у Ника ничего не получится и ему придется вернуться в поселение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.